

Подписная
научно -
популярная
серия

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

2 '92

ЭНДЖИ

Джулиан Хаксли
РЕЛИГИЯ
БЕЗ ОТКРОВЕНИЯ

JULIAN HUXLEY

Religion
without
Revelation

HARPER & BROTHERS · PUBLISHERS

NEW YORK

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

2/1992

Издается ежемесячно с 1964 г.

Джулиан Хаксли

**РЕЛИГИЯ
БЕЗ ОТКРОВЕНИЯ**

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗНАНИЕ" 1992

ББК 86.3
X 16

Составитель и переводчик: ТРОФИМОВА Зорина Павловна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории и теории религии и свободомыслия философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, автор работ по современному англо-американскому свободомыслию, в том числе "Гуманизм, религия, свободомыслие".

Редактор: В. В. БОЙКО

Хаксли Джулиан

X 16

Религия без откровения. — М.: Знание, 1992. — 64 с. — (Сер. "Культура и религия"; № 2).

ISBN 5-07-002356-X

Что такое религия и религиозная вера, каково соотношение психологии и религии, взаимодействие между наукой и религией, можно ли создать новую религию, которая объединила бы все человечество и помогла бы ему развивать свои внутренние возможности и способности? Эти вопросы, издавна волновавшие мыслителей разных времен, особенно актуальны в наше время. Читателю предлагается ознакомиться с размышлениями на эту тему английского ученого, биолога Джулиана Хаксли. Публикуются фрагменты впервые переведенной на русский язык книги "Религия без откровения".

0401000000

ББК 86.3

ISBN 5-07-002356-X

© Издательство "Знание", 1992 г.
© Перевод Трофимовой З. П., 1992 г.

ОТКРЫВАЯ НОВЫЕ ИМЕНА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами выдержки из произведения широко известного в мире английского ученого, социолога, философа Джулиана Хаксли (1887—1975 гг.) "Религия без откровения".

Имя Дж. Хаксли вошло в историю мировой культуры не только как знаменитого биолога, но и как философа, гуманиста, общественного деятеля, основателя Международного Гуманистического и Этического Союза. Он — автор таких трудов, как "Познание, мораль и судьба", "Новые сосуды для нового вина", "Гуманистическое сооружение", "Гуманистический кризис", "Очерки по поляризации проблем науки", и других.

В своей творческой научной и философской деятельности он прошел длительный период становления мировоззренческих взглядов. Дж. Хаксли вобрал в себя и пережил многие иллюзии и заблуждения XX века. Философские и религиозные искания ученого пришлись на эпоху начала XX века вплоть до 70-х годов нашего столетия. Дж. Хаксли сам не раз писал, что до конца своей многообразной и разносторонней жизни его не оставляли чувства одиночества, неудовлетворенности, тоска по истинному идеалу. Вобрав в себя атмосферу родительского дома, где, с одной стороны, преобладал дух кальвинизма, а с другой — дух свободы и творческого поиска, идущий от его деда Т. Хаксли (соратника Ч. Дарвина), Дж. Хаксли находился постоянно в духовном поиске. Недовольство традиционной религией, существующими английскими социальными институтами привели его с неизбежной объективной необходимостью к идее создания новой идеологической системы, которая охватывала бы все чаяния человечества и вместе с тем создавала условия для развития потенции каждого индивидуального человека. Основной вывод всех его труднейших поисков со-

стоял в том, что самой наилучшей такой мировоззренческой системой будет "новая религия", которая вошла в историю человеческой мысли под названием "эволюционный гуманизм".

Будучи биологом-гуманистом, Дж. Хаксли считал, что только сочетание эволюции и гуманизма даст возможность человечеству найти выход из создавшейся в обществе глубокой кризисной ситуации. Его идеи, воплощенные в системе "эволюционного гуманизма", представляются нам чрезвычайно актуальными и своевременными сейчас во всем мире.

Он не был просто ученым, философом-теоретиком и искателем спекулятивных систем. Пропаганда им религии "эволюционного гуманизма" пронизывает всю его практическую и жизненную деятельность, на посту профессора Королевского колледжа в Лондоне, Генерального директора ЮНЕСКО, президента Британской Гуманистической Ассоциации. Эти идеи прошли сквозь программные документы организаций свободомыслящих — Международного Гуманистического и Этического Союза, Всемирного Союза Свободомыслящих.

За последние годы философы-гуманисты, активные члены этих организаций, руководствуясь теорией Дж. Хаксли, провели пять международных форумов. На них обсуждались глубоко жизненные проблемы будущей эволюции человечества, необходимость "гуманистической революции", создание подлинного справедливого общества без антигуманистической направленности, имеющей место в современном противоречивом мире.

В нашей стране Джулиан Хаксли известен лишь своими глубокими исследованиями и трудами в области современного направления в эволюции — "синтетической теории эволюции". Мало кто знает, что он всю свою жизнь изучал философию, религию. Особенно он интересовался сущностью религии, ее эволюцией, ролью в духовном развитии общества. Его не удовлетворяли существующие современные типы религии. Все философские и научные поиски ученого были направлены на то, чтобы создать такую форму религии, которая могла бы служить всему человечеству, стремящемуся к миру и прогрессу. Его исследования в области науки, философии и религии неординарны и крайне оригинальны.

В связи с этим было бы очень полезно познакомиться нашему читателю с фрагментами его основного труда

"Религия без откровения", впервые переведенного на русский язык.

Результаты научных поисков и исканий, изложенные в его трудах, чрезвычайно актуальны для решения современных проблем развития мировой цивилизации. При этом необходимо отметить, что идея перевода отрывков из работы **"Религия без откровения"** родилась именно в связи со всевозрастающим интересом советских читателей не только к теологическим и религиозно-философским системам, но и к исследованию так называемого современного западного свободомыслия, о котором в нашей стране знают крайне мало. Среди представителей этого направления немалую роль играют принципы **"эволюционного гуманизма"**, выдвинутые Дж. Хаксли.

Его книга написана изумительным, но очень сложным стилем, что в определенной степени осложняло перевод ее на русский язык.

Можно предположить, что Дж. Хаксли — мечтатель-утопист. Но его идеи, особенно концепция **"эволюционного гуманизма"** как новой религии, служат путеводной звездой, к которой стремится все прогрессивное человечество.

Ценность перевода фрагментов заключается в том, что мы не навязываем своих точек зрения, а даем возможность читателю самому решить, принимать позицию Дж. Хаксли или нет.

Мы представляем вам оценки деятельности Дж. Хаксли его соратниками и единомышленниками, а главным образом фрагменты из его самого главного труда **"Религия без откровения"**. В них всесторонне раскрывается суть его религии **"эволюционного гуманизма"**, эволюция взглядов на значимость религии, выясняется понятие Бога, взаимоотношения между наукой и религией. Особенно большое внимание сосредоточивается на раскрытии значения и важности его идей **"эволюционного гуманизма"** для дальнейших научных поисков в области развития всемирной философии.

СОВРЕМЕННОКИ О ДЖУЛИАНЕ ХАКСЛИ

Известный деятель английского свободомыслия, член Британской Гуманистической Ассоциации Г. Хаутон высоко оценивает исследования Джулиана Хаксли. В небольшой статье "Гуманизм Джулиана Хаксли", помещенной в журнале "Свободомыслящий" (1975, № 3), он пишет:

"Сэр Джулиан Хаксли, внук известного защитника Ч. Дарвина, Томаса Хаксли, умер в 1975 г. в возрасте 87 лет. Дж. Хаксли был известным биологом, писателем, гуманистом. Он занимал ряд исключительно важных постов, в частности, являлся главным директором ЮНЕСКО, а также первым президентом Британской Гуманистической Ассоциации.

Многие замечательные идеи Дж. Хаксли часто замалчивались. Ни одна из газет, которые я читал, за исключением "Дейли телеграф" и "Санди таймс", не касались страстной попытки сэра Дж. Хаксли дать определение религии, которое могло бы быть принято светским человеком.

"Как гуманист, — писала "Санди таймс", — Дж. Хаксли помог формированию мышления современного поколения, даже если его идеи относительно взаимоотношения эволюционных принципов и религии сначала не нашли многих последователей".

"Нельзя говорить о Дж. Хаксли без эволюционного гуманизма подобно тому, как нельзя говорить о Гамлете без принца Датского. В своем раннем периоде деятельности Дж. Хаксли внес важный вклад в область биологии, особенно касаясь проблем роста, но я сомневаюсь, чтобы он рассматривал его как наиболее значительную часть своей жизненной работы. На своем академическом посту в Королевском колледже в Лондоне, Королевском институте и Сельскохозяйственном институте Техаса он показал себя в качестве великолепного лектора. Дж. Хаксли был также большим мастером по популяризации науки без малейшей ее вульгаризации. Его талант по разъяснению научных теорий в простых терминах был блестяще прояв-

лен по радио Би-би-си. Его вкус к путешествиям и общению возрастал с годами. В 1935 г. он стал секретарем Зоологического общества и работал в Лондонском зоопарке до 1942 г. После войны Дж. Хаксли был назначен первым Генеральным директором ЮНЕСКО. Это было ему по душе, так как он имел возможность распространять научные знания и идеи гуманизма. Он даже надеялся на то, что ЮНЕСКО примет теорию научного гуманизма. Однако там оказалась сильная оппозиция".

"Многие ученые были озадачены использованием Дж. Хаксли слова "религия". Книга "Религия без откровения", в которой он впервые в систематизированном виде изложил свою точку зрения на религию, стала открытым вызовом одновременно ортодоксальному верующему и неверующему.

Ученый утверждал, что деструктивная критика официальной религии была необходима в прошлом. Сегодня мы нуждаемся в "новой идеологической системе" без "гипотезы Бога". Дж. Хаксли пробовал создать "новую религию".

Основой "новой религии" без Бога должна стать теория эволюции. Человек — продукт длительнейшей эволюции живого мира, в результате которой он стал осознавать себя и свои возможности. Нравилось ли ему подобное положение или нет, он становился ответственным за всю дальнейшую эволюцию нашей планеты. Вследствие этого человек стал частью Вселенной, сознающий себя и способный планировать будущее. Нельзя забывать, отмечал ученый, что в течение эволюции психосоциальный уровень развития индивида действует вместе с механизмом культурной традиции".

"Легко понять, что попытки реформировать устарелые религиозные концепции в квази-научные понятия имеют много общего с построениями Тейяра де Шардена. Дж. Хаксли в предисловии к книге "Феномен человека" писал, что он высоко ценит Тейяра де Шардена и считает его работу "замечательной, созданной великим человеком".

Давая научное благословение этой книге, Дж. Хаксли вызвал упрек со стороны Питера Мидайво в своей рецензии, которая появилась в журнале "Майнд", являющемся традиционным философским журналом. П. Мидайво квалифицировал точку зрения Тейяра де Шардена как "философскую фикцию".

"Было бы ошибкой думать, что эволюционный гуманизм Дж. Хаксли был абстрактный и не имел дело с практическими проблемами. Наоборот, ученый предлагал очень определенный, хотя и противоречивый, метод улучшения качества человеческой расы. Этот метод он называл методом "позитивной евгеники", или евгеническое оплодотворение, предпочитаемое донорами при сильном замораживании хромосом. Дж. Хаксли писал, что "пионеры подобных открытий будут глубоко страдать от всякого рода оскорблений. Их обвинят во всех смертных грехах, в частности в нападках на теологическую теорию бессмертной души". Но эти открытия имеют огромное значение в области контроля над деторождением. Противники могут быть уверены, что национальный контроль над воспроизводством стремится помочь человеческому страданию, содействовать человеческому благу и совершенствованию общества в будущем".

"Голос Дж. Хаксли теперь молчит, но его открытия и видения будут продолжать воодушевлять всех, кто стремится построить более рациональный человеческий мир".

Редактор английского журнала "Гуманист" П. Бланшард в статье "Джулиан Хаксли — мировой гуманист" (1975, № 2) особый акцент делает на попытку Дж. Хаксли создать новый тип гуманизма. Здесь же он приводит выдержки из двух работ ученого "Религия без откровения" и "Новые сосуды для нового вина".

"Джулиан Хаксли, который умер в возрасте 87 лет, входит в историю наиболее знаменитых гуманистов нашего времени. Это определено судьбой. Он был первым директором ЮНЕСКО, наиболее знаменитым популяризатором науки, отличался блестящими выступлениями по радио, постоянно читал лекции в английских и американских университетах. Одно из его достижений состояло в популяризации гуманистических лозунгов и традиций мировой культуры". "Однажды он провел целую неделю в нашем доме. Две вещи я хорошо помню из проведенной с ним недели: во-первых, его изумительное подробное знание жизни животных и птиц; во-вторых, его теплая защита своего брата Олдоса Хаксли. В тот период Олдос Хаксли был погружен в мистическую сферу иллюзий и галлюцинаций, считая, что "мы все на пути к экзистенциальной религии мистицизма". К моему удивлению, Дж. Хаксли тепло защищал своего брата как замечательного научного экспериментатора. После смерти Олдоса Джу-

лиан заметил, что "он вошел в историю как величайший гуманист нашего запутанного мира".

"Фактически сам Джулиан выступал как наиболее многосторонний гуманистический миссионер нашей запутанной эры. Хотя у него отсутствовал ряд качеств его деда Т. Хаксли и высокое литературное мастерство его брата, он был на редкость разносторонним человеком, который никогда не уходил от борьбы в области религиозных дискуссий. Он отрицал все формы религиозной ортодоксии христианства и других религий и объявлял, что "судьба человека должна дать максимум возможностей для достижения прогресса человечества". "Это — одна из основных целей, к которой мы должны стремиться. Чтобы достичь осуществления всех человеческих желаний, надо взять на вооружение гуманизм, который использует все человеческие физические и интеллектуальные ресурсы и способности".

"Его собственные блестящие способности были выявлены еще в ранней юности, когда он изучал зоологию в Оксфорде и одновременно вел литературную деятельность. Он очень увлекался поэзией".

"В период его деятельности в ЮНЕСКО Дж. Хаксли находился под постоянным давлением и огнем со стороны католической и протестантской ортодоксии. Часто он страдал из-за своих передовых точек зрения на секс и генетику. Он сделал вызов всей системе общепринятого воспитания нашего времени и защищал идею необходимости контроля над деторождением".

Я выбрал для перепечатки два коротких фрагмента из работ Дж. Хаксли. Первый — из его работы "Религия без откровения". Эта книга — самое замечательное произведение из всех его работ. Второй фрагмент — из его последней книги "Новые сосуды для нового вина".

В работе "Религия без откровения" ученый пишет:

"Прежде всего я утверждаю, что нашему разуму подвластно все, что не выходит за пределы этого мира и природного опыта. Я ничего не знаю о личном Боге, будь то Иегова, Аллах, Аполлон или нечто, не имеющее никакого имени, а просто Бог. Более того, я не только агностик в отношении этого предмета. Совершенно ясно, что идея личного Бога или какого-либо сверхъестественного существа или существ создана человеком. Если слово "Бог" не имеет своего материального аналога в нашем опыте, то оно ничто. Я не верю в личного Бога в любом смысле, в котором эта фраза обычно используется. По подобной

причине я не верю в существование рая или ада в любом общепринятом христианском смысле. Что же касается чистилища, то оно относится к мифологическому детству и отомрет естественной смертью.

Некоторые верят, что нормы их поведения не нуждаются в изменении, что они могут получить спасение в другом мире посредством специальных действий, верований или жертвоприношений. Вновь я верю, что это положение не только включает ложную антитезу, но также является отрицанием самой высокой религии. Более чем тысяча лет тому назад псаломист сказал, что спасение не требует никаких примирительных ритуалов, основанных на грубых, антропоморфных идеях о Боге, так как принятие пожертвований ломает сердце. Христианский мир предлагает верить этому".

В работе "Новые сосуды для нового вина" Дж. Хаксли отмечает, что "в результате тысячи миллионов лет эволюции Вселенная стала осознавать себя способной понимать что-то из своей прошлой истории и предвидеть будущее. Это космическое самопознание вошло в один крошечный фрагмент Вселенной — в человеческие существа. В то же время нельзя забывать, что человеческий род радикально отличен от какого-либо макроскопического одноклеточного животного, который жил миллионы лет назад.

Новое понимание Вселенной вошло в новое знание, накопленное в последние сто лет психологами, биологами, археологами, антропологами и историками. Это определило ответственность и судьбу человека, а именно быть ли ему действующей силой в деле защиты мира, осуществления присущей ему потенции как можно полнее.

Человеческий вид может, если он пожелает, трансформироваться не только в ему подобный вид, но и в единство, то есть в человечество. Мы нуждаемся именно для него в новых верованиях. Будем надеяться, что трансгуманизм будет служить этому. Человек остается человеком, но, совершенствуя себя, реализуя новые возможности, он тем самым изменяет свою человеческую природу.

Я верю в трансгуманизм. Многие люди считают, что человеческий род стоит на пороге нового мира. Наконец-то наступит период сознательного осуществления реальной судьбы".

(Б л а н ш а р д П. Джулиан Хаксли — мировой гуманист//Гуманист. — Нью-Йорк. — 1975. — № 2.

П. Бланшард — редактор журнала "Гуманист", автор работы "Некоторые из моих друзей являются христианами".)

Соратником и другом Дж. Хаксли был Корлисс Ламонт — заслуженный президент Американской Гуманистической Ассоциации. В 1977 г. получил годовую грамоту гуманиста года. Более 15 лет преподавал в Колумбийском университете. Автор работ — "Философия гуманизма", "Иллюзия бессмертия", "Свобода утвержденного выбора" и других. Активный борец за гражданские права в Америке. Член Международного Гуманистического и Этического Союза.

В своей статье "Личное послание одному из знаменитых гуманистов мира в столетнюю годовщину его рождения", опубликованной в журнале "Международный гуманист" (1987, № 6), он пишет:

"Прошло сто лет со дня рождения гуманиста Дж. Хаксли (1887—1975 гг.). Он был выдающимся биологом и одним из самых передовых английских ученых, который активно защищал теорию эволюции Ч. Дарвина, опираясь на традицию, установленную его дедом Т. Хаксли. Энергия и многосторонняя деятельность Дж. Хаксли привели ученого к исследованию других важных областей знания. Он был блестящим лектором, часто выступал по радио и телевидению, талантливым учителем, знаменитым автором многочисленных работ по эволюции, гуманизму, религии, секретарем Лондонского зоологического сада, директором Научной и культурной ассоциации при Организации Объединенных Наций. Наиболее значительный из всех гуманистов, Дж. Хаксли стал вождем натуралистического гуманизма, отбрасывая веру в сверхъестественное. Большинство некрологов, посвященных ему, игнорировали эту роль.

Сэр Дж. Хаксли писал популярные книги по биологии, общей науке, гуманизму. Он сотрудничал с Г. Уэллсом в журнале "Наука жизни". В своей работе "Опыты гуманиста" он определил свою точку зрения как "эволюционный гуманизм". Ученый не считал, что эволюция необходимо прекращается с развитием человеческой расы, но полагал, что мы достигли такой прогрессивной стадии, когда сами можем контролировать собственное будущее развитие и эволюционный процесс. "Для настоящего, — сказал Дж. Хаксли, — смысл человеческого существования заключается в том, чтобы создать все для совершенствования всех человеческих существ в мире".

Дж. Хаксли не только пропагандировал свои идеи гуманизма. Он пытался на практике их применить. Так, в 1952 г. он помог формированию Международного Гуманистического и Этического Союза, председателем которого он стал. "Мировой гуманист", — назвал его П. Бланшард. В 1952 г. Американская Гуманистическая Ассоциация провозгласила его "Гуманистом года". В 1963 г. он помог открытию Британской Гуманистической Ассоциации, став в последующем ее председателем и президентом".

"Я имел большое счастье быть знакомым с Дж. Хаксли и его женой Джульеттой. Супруги Хаксли были крайне очаровательными и милыми людьми. Дж. Хаксли обладал кипучей энергией, имел впечатлительную фигуру. У него был большой запас юмора, и в разговоре он постоянно блистал анекдотами и занимательными историями.

После возвращения из Оксфорда в Америку я был тесно с ним связан.

По своим взглядам мы были очень схожими, так как защищали и пропагандировали научный гуманизм в своих странах".

"В 1986 г. леди Хаксли опубликовала биографию своего супруга под названием "Листья тюльпанового дерева", которая содержала неизвестные сведения о его карьере, а также много интересного о его брате Олдосе".

(Л а м о н т К. Сэр Джулиан Хаксли//Международный гуманист. — Упсала. — 1987. — № 6.)

"Как известно, Дж. Хаксли был известен не только в своей стране, но и в других странах, в частности в США. Его ценили американские свободомыслящие. Главный редактор американского журнала "Гуманист" Э. Г. Уилсон в статье "Пионер эволюционного гуманизма" подчеркивает: "Сэр Джулиан Хаксли был одним из пионеров гуманизма как мирового движения. Его влияние на гуманистическое движение Америки, Англии и других стран способствовала книга "Религия без откровения", написанная в 1927 г. В ней он на основе материалов сравнительного анализа религий изучал психологию религиозного опыта. Многие либералы и вожди этической науки читали и пропагандировали это произведение.

Когда гуманисты Голландии предложили сформировать Международную гуманистическую организацию, то я спросил его мнение. Он ответил: "Вы можете процитировать меня, когда я говорю, что будущая великая мировая религия будет некоторой формой гуманизма. Ассоциация

гуманистов и этические общества будут делать первый и решающий шаг в создании новой религии человечества".

Международная организация была создана в Амстердаме в 1952 г. во главе с Дж. Хаксли. Он был ее первым президентом. В своей президентской речи он сказал: "Мы должны верить, что новый вид гуманистической религии может и должен возникнуть. Мы, гуманисты, не должны называть себя гуманистами, пока удовлетворены официальной, традиционной верой и философией".

В этой вступительной речи он использовал фразу: "Человечество как целое". Она была включена в "Гуманистический Манифест II" — программный документ всех истинных гуманистов мира. Те, кто следует "Гуманистическому Манифесту II", обращают особое внимание на заявление Дж. Хаксли, как-то: критическое отрицание всех догм, всяких видов догматизма и признание различных видов гуманизма.

С самого начала своей деятельности он последовательно признавал гуманизм как недогматический и плюралистический тип движения".

"По иронии судьбы британские гуманисты в своем большинстве сначала не последовали за Дж. Хаксли в принятии его идеи "религии без Бога". Значительное число его последователей было в США, особенно в Американском Этическом Союзе. Этот Союз является создателем журнала "Гуманист" совместно с Американской Гуманистической Ассоциацией. Американский Этический Союз, Американская Гуманистическая Ассоциация совместно с Унитариянско-универсалистской Ассоциацией подписали "Гуманистический Манифест II". Дж. Хаксли нашел поддержку у этих организаций, а также у многих философов, в частности, Дж. Дьюи, Р. В. Селларса, А. Е. Хейдона, М. Отто".

"В 1954 г. Дж. Хаксли прочитал 11 лекций в Американской Гуманистической Ассоциации, почетным членом которой он стал. В 1957 г. ученый пересматривает книгу "Религия без откровения", где он полностью заново пишет заключение и дает ему новое заглавие "Эволюционный гуманизм как развивающаяся религия".

В то же время Дж. Хаксли постоянно публикует работы по эволюции и философские труды о человеке и жизни. Сюда относятся: "Новые сосуды для нового вина", "Познание, мораль и судьба", "Гуманистическое сооружение" и другие. Во всех своих работах он последова-

тельно проводит мысль о том, что гуманизм — это религия человека и человечества как целого”.

“В своих работах ученый выглядит как глубокий оптимист, хотя прекрасно понимает трагичность человеческого существования. Так, в своих ранних работах он образно указывает, что “человек имеет высокую парящую судьбу”. Но в работах последних лет он подчеркивает, что судьба сама по себе зловеща, а само человечество находится в бедственном состоянии. Все эти проблемы, согласно ему, необходимо решать в глубоко гуманистическом духе”.

“Дж. Хаксли был одним из самых великих гуманистов. Он противопоставлял религию без Бога американскому образу жизни. Его книгу нельзя читать один раз, ее надо читать и перечитывать”.

(У и л с о н Э. Г. Пионер эволюционного гуманизма//Гуманист. — Лондон. — 1975. — № 6.

Э. Г. Уилсон — главный редактор журнала “Гуманист”).

“Перейдем к самой работе Дж. Хаксли “Религия без откровения” и дадим возможность читателю судить о его книге и об авторе”.

ДЖУЛИАН ХАКСЛИ

"РЕЛИГИЯ БЕЗ ОТКРОВЕНИЯ"

Лондон, 1957

Введение

"Я не собираюсь затрагивать все, что происходило и происходит в течение XX столетия, но ограничусь некоторыми положениями, которые меня лично интересуют. Прежде всего необходимо выяснить, какова значимость в человеческой истории идеологических систем, в которые я включаю веру, отношения между людьми, религию, а также различного рода теории "жизненного пути". Эти системы в таком смысле, во-первых, играют определенную роль в культурной эволюции, так же как скелеты в биологической эволюции, обеспечивая каркас жизни и определяя ее. Во-вторых, они служат определенной идеологической унификацией. Холодная война есть война между идеологическими системами, которые сами крайне уязвимы. Наши западные системы являются таковыми, потому что они дуалистичны, пребывают между естественным и сверхъестественным, между Богом и миром, между материей и духом. Им недостает динамики и истинного действия. В-третьих, мы нуждаемся в возрастающем познании и делаем все, чтобы охватить мир в целом. Все эти процессы я называю прогрессом, который связан непосредственно или опосредованно с новыми фактами или новыми интерпретациями, с новым познанием или новой организацией познания".

"Ряд ученых утверждает, что так как религиозный опыт отличен от научного, религия никогда не сможет стать истинным субъектом научного анализа. В целом это неправильно. Любое явление может быть рассмотрено с помощью научного метода. Религия является той последней сферой, в которой метод науки может быть применен. Изучение религии и религиозной психологии уже дает интересные результаты, которые имеют и будут иметь определенную ценность при анализе сущности человека и человечества. Они также помогут религии выйти из тупи-

ка, в котором она сейчас находится. Так, при изучении религии и религиозной психологии мы приходим к выводу, что Бог является гипотезой, которая создается человеком, и она связана с решением проблемы сущности судьбы. Эта гипотеза является великим духовным и моральным утешением. Наша задача состоит в том, чтобы исследовать те психологические, социальные и другие моменты, которые создают возможность появления и существования данной гипотезы. В то же время мы нуждаемся в создании новой религиозной идеологии, то есть новой религии для всего человечества в целом. Вот это я и пытаюсь показать в своей работе".

Часть I

Предварительные замечания

"Я назвал свою книгу "Религия без откровения" с целью выразить свое убеждение, что религия в своем высшем и полном проявлении может существовать без всякой веры в откровение в любом смысле этого слова и без веры в личного Бога. Эту концепцию поддерживает много людей.

Я ставлю вопрос: во что же я верю?

Во-первых, я считаю, что необходимо верить во что-то. Я не признаю абсолютный скептицизм. С другой стороны, нельзя верить без основательных доказательств. Все, во что мы верим сейчас, с необходимостью подчиняется математике и формальной логике, хотя доказательства усваиваются долгое время и даже не всегда осознаются. При этом возникает определенная трудность. Мы должны верить во что-то, что, возможно, никогда не будет иметь результата. С другой стороны, мы не можем в это не верить. Для того чтобы верить, необходимо иметь убеждения. Однако иногда и сами убеждения могут вводить в заблуждение. При этом людям часто недостает уверенности и настойчивости для того, чтобы прийти к вере".

"Методом, которым я пользуюсь при доказательствах каких-либо положений и на основе которого я строю свои предположения, обычно называют научным методом. Он не дает полного знания, да этого и не может быть. Но вера обязательно присутствует в моем методе как его составная часть. Когда нам недостает чего-то определенного, мы можем принять веру. Это есть вера не только в

ценность наших собственных суждений, но также в существование определенных реальностей, морально и духовно возвышающихся над другими и над нами. Скажем, что вера в своем действии всегда превосходит гипотезу, и хотя это положение — риторический пустяк, оно включает зерно реальной истины”.

“В связи с этим возникает еще одна проблема, связанная с верой, а именно — проблема агностицизма. Термин впервые введен Томасом Хаксли, моим дедом”.

“Я полагаю, что вся наша жизнь есть колебание между уверенностью и неуверенностью, верой и агностицизмом, верой и неверием. Ни вера, ни агностицизм не являются лучшими путями, но каждый имеет право на существование... В действительности я полагаю, вера является существенным орудием человеческого разума, не более чем все другие, но и не менее их”.

“В решении религиозных проблем я не только агностик. Тут самое главное состоит в том, что идея личного Бога или любого сверхъестественного существа или существ касается человека и будет существовать, пока мир решает все человеческие проблемы. При этом я не верю в личного Бога в любом смысле, в каком эта фраза используется. Я не верю в существование рая и ада в любом христианском смысле. Окончательно могу сказать, что в вопросах существования другого мира и другой жизни вообще я просто агностик. В этих вопросах я сталкиваюсь с трудностями решения всех вышеназванных проблем с точки зрения физиологии и психологии. В данном случае как объяснить существование души отдельной от тела, хотя ясно одно, что многие идеи о будущей жизни можно отнести к примитивным видам суеверий? Идеи бессмертия души и им подобные являются только выражением глубокого человеческого желания продолжения жизни после своей собственной смерти”.

“Что есть религия? Это — путь жизни, коренящийся в стремлении человека к почтению, в чувстве и вере в святое. Вещи, которые представляются в религии священными, касаются основ человеческой судьбы и сил, с которыми он вступает в контакт. С другой стороны, не сами объекты и идеи возбуждают религиозные эмоции, а только когда они соотносены с идеей святого.

Религиозная вера связана с идеей святого. При этом я хотел бы подчеркнуть, что мы привыкли спекулировать на религиозной идее святого, соотносить ее с любым объектом или мышлением, внутри и вне всяких границ, в кото-

рых мы рассматриваем религию, внутри или вне организованной религиозной системы. Идея сверхъестественных существ так или иначе связана с определенными объектами, событиями и идеями. Она не является существенной и интегральной частью жизненного религиозного пути, точно так же, как объекты религиозных эмоций не являются обязательно сверхъестественными существами. При этом необходимо отметить, что тип ситуации, который приводит к возникновению определенного чувства, всегда формируется опытом и воспитанием".

"История религии есть история постепенного изменения ситуаций, которые с увеличением опыта и изменением жизненных условий воспринимаются как священные. Это есть основная история прогресса. Рассмотренная как прогресс, история религии становится историей очищения самой религиозной эмоции от таких элементов, как страх, и замена его такими возвышенными и более рациональными объектами и ситуациями, в которых религиозное чувство может истощить себя".

"Постепенно с возрастанием физических и умственных возможностей человеческая судьба все более и более связывается с моралью. В таких случаях мораль неизбежно начинает управлять миром и человеком. В этот период моральные качества становятся частью сверхъестественных существ. Боги и духи описываются с этих позиций. Сначала подобный процесс был неполным, что отражало медленный характер интеллектуальной унификации. Этические качества большинства богов носили смешанный характер, отражая смешанные моральные характеристики большинства людей и их обществ. В то же время по мере роста своей индивидуальности человек проходил через страдание и горе. В процессе роста его моральных чувств он становится жертвой моральных конфликтов".

"Нельзя забывать, что религия есть деятельность человека, которая претерпевает изменения подобно всем другим видам человеческой деятельности. Она может становиться хуже или лучше. Если религия отказывается изменяться, тогда как другие виды человеческой деятельности изменяются, то она становится препятствием для движения человечества вперед. Она не может избегать контактов с духовными и моральными проблемами. С развитием и передачей человеческого опыта и традиции религия неминуемо сталкивается с проблемами человеческих отношений во Вселенной и с достижениями в об-

ласти морали. Здесь то основное место, где проявляется идея святого”.

“Если на заре своего развития человек сталкивается с объектами и существами, рассматриваемыми им как имеющие сверхъестественную силу и вызывающие у него священный страх, то на позднейших стадиях своего развития человек становится враждебен уже человеку. Он начинает искать дорогу для своего личного спасения. Окончательно, на более высшей стадии развития эмоциональная сторона религиозной жизни человека стремится достичь общения с божественным. В этот период происходит капитуляция индивидуальной воли человека перед божественной волей”.

“Здесь надо заметить, что я буду интерпретировать религиозные взгляды на Бога и все, что с этим связано, отлично от обычного понимания взаимоотношений “религии” и “науки”. Так, “религию” я рассматриваю не только как христианскую ортодоксию, но включаю в нее всю теистическую систему. “Науку” я рассматриваю не только в смысле физики, химии или биологии, но как организованное познание и мышление, основанное на натуралистическом взгляде. Мне кажется, что их возможно приспособить друг к другу, так как нет в принципе конфликта. При этом все основные религиозные позиции остаются, но они должны быть заново определены в новых терминах. Снять конфликт науки и религии крайне трудно, так как остается конфликт духовного и материального, духовного и бездуховного”.

Часть II

Предварительная интерпретация

“Силы, с которыми человек сталкивается в процессе своей жизни и которые он в последующем олицетворяет, часто отчуждены или даже враждебны по отношению к нему и его желаниям. Они представляются ему как нечто ужасное. Все это в своеобразной форме трансформируется в религию. Немалую роль в формировании религии и ее догматов играют идеалы, которые персонифицированы в Святом Духе и отличаются разнообразием в разные века и у различных индивидов и сект. Они различаются также по отношению к ценностям, с которыми они связаны. С другой стороны, они не всегда враждебны или от-

чуждены. Весна следует за зимой, природа может приносить шторм или прилив, она вполне счастлива подобными богатствами. Силы природы убивают и ужасают, но они также приносят солнце и ветер, рождение и смерть.

Вообще силы, персонифицированные в первой ипостаси христианской троицы, — это те, с которыми человеческая жизнь сталкивается неминуемо. В то же время они также создают возможность для деятельности человека. Они могут влиять на человека и подавлять его, но и человек может влиять и контролировать их. Эти силы и человеческий разум могут быть совмещены в опыте".

"Реальности, символизированные в трех ипостасях, с одной стороны, связаны с внутренним состоянием человеческой индивидуальности. С другой стороны, они имеют особенное качество, частично осознаваемое как принадлежащее самому человеку внутри его, а частично вне его и потому имеющее для него значение. Они являются ценностными идеалами и неизбежны для самого человека".

"Рассмотрение человеческой природы вообще вскрывает чудо нашего существования как продукта естественной эволюции, самого удивительного факта. Человек является частью универсального мира, но он так организован, что имеет возможность познать истину, контролировать природу, стремиться к красоте и доброте, идти путем, с помощью которого можно проявить все свои способности.

Таким образом, во всех случаях наша попытка перевести понятия христианской теологии в светские термины приводит к тому, например, что Святой Дух является частью человеческой природы, и особенно его умственной организации.

Я осмелюсь сказать, что формирование мира возможно только через человеческую природу, через людей со всеми их ограниченностями. Этот бесконечный процесс осуществляется через все конечное. Однако это осуществление потенциально, и оно обозначается термином "Святой Дух". Современная наука имеет возможность расширять теории о мире. Через наше познание эволюционной биологии мы видим, что человеческая природа не существует фактически в чистом виде, но она может быть усовершенствована, стать более полной, сознательной".

"Я предпочитаю считать, что духовные элементы, которые обычно обозначаются как божественные, являются частью человеческой природы. Поэтому реальность, пер-

сонифицированная как вторая ипостась, играет в нашей реинтерпретации посредническую роль между неограниченным человеческим идеалом и ограниченностью его актуального существования”.

“Третья божественная ипостась рассматривается как персонификация трех аспектов реальности. Величайший триумф христианства состоит в построении эластичной и исчерпывающей доктрины триединства, несмотря на ее очевидную непостижимость. Эта доктрина, например, проясняет, что объектом поклонения были не только внешние силы, которых боялись или любили, но также внутренняя сила, имманентная человеческой природе или находящаяся внутри нее. В этом комбинировании внутреннего и внешнего проявляется достижение монотеистических религий, таких, как буддизм, христианство, ислам”.

“Я верю в единую природу, верю, что единство непрерывно. Я верю в единство разума и природы.

Психическое и материальное являются двумя аспектами одной реальности, двумя абстракциями, которые делают реальным наше существование. Они не могут быть реальными, будучи отделены друг от друга”.

“Заключая, отмечу, что три аспекта единства природы символизируются как три ипостаси божественного триединства. Первая ипостась представляет внешнюю силу и материальный закон, вечно заданный и необъяснимый. Третья ипостась представляет необъятную силу мышления, чувства, воли, способностей разума на высшем уровне, когда он имеет дело с универсальными идеями. Все это необъяснимо, но должно приниматься как данное. Вторая ипостась — звено между этими двумя. Она есть жизнь в конкретном проявлении, посредник между идеалом и практикой, воплощенный дух в материи. Это прогрессивное воплощение может быть бессознательным, как в случае с органической эволюцией, или сознательным, например в намеренной попытке человека реализовать свои мечты.

Вся неживая природа есть одна материя; вся жизнь сконцентрирована в другой материи. Далее, все мышление и эмоции, даже в их высшем проявлении, возникают из природного разума, медленное развитие которого можно проследить на эволюции жизни. Таким образом, жизнь вообще и человеческая в частности являются такими частями мировой субстанции, в которых скрытые умственные свойства обнаруживаются в их полной мере. Поэ-

тому три аспекта реальности, превращенные в христианстве в три ипостаси, являются едиными".

"Моральная сторона также покоится на двух положениях: идее добра и идее зла. Можно проследить их единство и различие. Нельзя решить проблему зла, которая, вероятно, неразрешима в той форме, в которой она обычно ставится. Но когда она рассматривается как часть морального единства, как движение к добру, вот тогда мы можем разрешить эту проблему. Движение от зла к добру частично можно рассматривать как биологический прогресс, и он является необходимым для морального развития человека".

Часть III

Природа и Бог: натуралистический подход

"Боги являются эмпирическими фактами культурной истории. Имеются три возможных пути рассмотрения и определения природы богов. Первый путь состоит в том, что, ведя независимое существование как личности, они имеют сверхъестественную способность контролировать или влиять на природный мир. Второй путь состоит в том, что боги есть персонификация сил, влияющих на судьбу человека и создающихся человеческим разумом. Третий путь — компромиссный между первым и вторым. Смысл его состоит в том, что боги являются более или менее адекватными попытками людей описать или показать вечное и сверхъестественное существо, которое стоит над миром и природой".

"Здесь я хочу уточнить несколько понятий, которые будут в последующем употребляться мною.

Под "человеческими существами" я подразумеваю существа, обладающие высшими свойствами личности — познанием, чувствованием, волей, соединенными в организованное и единое сознание.

Под "сверхличностными" существами я подразумеваю существа, которые своей природой сродни человеческим существам, но превосходящие их, так как человеческие существа во многом ограничены".

"Продолжая относительно понимания богов, хочу отметить, что имеются и другие типы их определения. Например, для некоторых материалистов и рационалистов боги являются чистыми фикциями, не только без какого-

либо реального существования, но и без всякой основы для этого. Они изобретены священниками и властями для того, чтобы держать людей в интеллектуальном и моральном повиновении.

В свете нашего современного познания я утверждаю, что боги созданы людьми как персонификация сил судьбы".

"История показывает возрастающий успех натуралистического подхода ко многим областям исследования, который выявляет недостатки и ограниченности сверхнатуралистической интерпретации. Подошло время применения натуралистического подхода к теологии. В свете этого подхода боги появляются как разъяснительные концепции и гипотезы, направленные на полное понимание фактов человеческой судьбы. Они являются конструкциями человеческого разума и, подобно научным теориям и законам, базируются на опыте и наблюдаемых фактах.

Гипотеза Бога является частью более общей демонической теории, согласно которой сверхъестественные духовные существа, а также добро, зло и т. д. являются частью космических явлений. Бог, подобно научной гипотезе, является попыткой понять космос или по крайней мере объяснить его фактами опыта. Но гипотеза Бога отличается от современной научной гипотезы, так как она строится совершенно другими путями. Гипотеза Бога по своей структуре догматична и априорна, происходит из авторитета или чувства или интуиции. Она постоянно сдерживает факты. Отсюда как следствие она формировалась в абсолютных терминах, что не позволяет ей умирать, но в то же время быть вновь рожденной в новом облике.

Гипотеза Бога отличается от научной гипотезы, так как создавалась первобытным методом мышления. Но что же представляет собой это первобытное мышление, или, как я обычно говорю, мистическое?

Я считаю, что магия является первой формой мистического мышления. Согласно последнему, мир есть основной резервуар магической силы. Эта сила работает как система магических действий, концентрируемых на внешних объектах или процессах, действующих через словесные символы и ритуалы. Магическое мышление, очевидно, вырастает из инфантильной стадии, которую З. Фрейд характеризовал как всемогущее мышление. Это — первый вид магии. Ранний инфантильный мир есть мир чувств и эмоций, удовлетворения и крушения желаний. Ребенок ускоряет открытия тем, что он часто может достичь удов-

летворения, выражая его эмоциями. Причем это выражение проявляется в некоторых вечных символах реальности. Эта реальность есть реальность эмоции, сильная и бескомпромиссная. Эмоциональное мышление оперирует примитивными методами животного инстинкта, когда личностью в целом овладевает эмоция, и затем она не сдерживается ничем вообще. Конечно, это был еще детский метод связи с миром. Только после того как ребенок научился говорить, возникает возможность рационального мышления и связи с миром без эмоционального опыта. Ясно, что магия происходит из предрациональной фазы умственной жизни индивида. Магия является объяснением судьбы в духовных терминах. Судьба в понимании магии оказывается под влиянием определенных сил, создающих удовольствие или несчастье, добро или зло, осуществление желаний или их крушение. Эти же силы постоянно контролируют жизнь человека.

Второй вид магического мышления может быть назван "проецирующим", в котором личность проецируется во внешний мир. После первичной инфантильной фазы, когда ребенок живет в мире его собственных эмоций, на следующей стадии происходит процесс осознания себя и других людей. Осознавая себя, люди влияют на мир желаний и эмоций, начинают контролировать события. В любом случае проекция личности на внешний мир и события обеспечивает основу, на которой строится все дальнейшее мышление. Проецирующее мышление населяло Вселенную демонами, духами, дьяволами и богами. Под внешним давлением окружающего мира и внутренним давлением человеческого разумного мышления эти культурные образования включились в фантастические комплексы.

Третий вид магического мышления может быть назван мифологическим. Он является высшим типом мышления. Здесь боги уже включены в систему мифологии. Многие системы мифологии используют гипотезу бога как часть своей системы".

"Поговорим о происхождении богов. Рассмотрим этот вопрос как следствие эволюционного процесса. В биологической эволюции мы находим много различных видов, характеризующихся различными уровнями — организации. Всякий удачный вид включается в большую группу, характеризующую быстрым увеличением ее членов. В течение этой эволюции постепенно проявляется тенденция к усовершенствованию общей видовой организации, временна-

ми успешно. В большинстве случаев они стабилизируются. Далее, каждый вид состязается с другими эволюционирующими видами, и такое соревнование может изменять направление самой эволюции, ограничивать ее число и варианты, а иногда даже вести к фактическому и тотальному угасанию. В процессе биологического прогресса случается замещение одного успешного и доминирующего вида другим".

"Боги являются культурными образованиями, которые могут и должны развиваться. В этом плане они сходны со всеми организмами, проходящими процесс биологической эволюции. Фактически они являются организмами человеческого мышления, которые представляют собой интерпретацию сил, воздействующих на человеческую жизнь. Формально они представлены в виде человеческих существ. Силы, воздействующие на человеческие судьбы и являющиеся основой конструирования богов, чрезвычайно разнообразны. Они состоят из элементарных сил природы и ее катастроф, от землетрясений до эпидемий, от явлений роста и распада планет, животных и людей. Сюда же входят эмоциональные силы, связанные с кризисом человеческой жизни, подобно смерти и рождению, половой зрелостью и женитьбой, авторитетом отца и семьи, священнослужителя и короля, законом и церковью, а также силы сознания, идеалов, силы света, борющиеся против сил тьмы.

В основе развития религии лежат разнообразные явления, которые в последующем составляют ее единство. На определенных стадиях общества имеется множество богов, отражающих представления о судьбах человека. В религии обожествляются специфические объекты и места, определенные аспекты природы, подобно морю, солнцу, шторму, или же различные аспекты человеческой природы, как, например, в позднем греческом пантеоне".

"Сначала боги являются специфическим переходом от естественного мира к сверхъестественному, от материального к нематериальному, духовному. Далее боги становятся более духовными. В них меньше проявляются силы физической природы. На первый план выходят человеческие идеалы справедливости и истины. Конфликт между совершенным и несовершенным типом богов можно показать на примере борьбы еврейских пророков против "идолопоклонства". Этот конфликт заканчивается заменой множества богов одним. Первым шагом является выделение одного Бога в качестве главного из всего пантеона

богов, как, например, это случилось с Зевсом в греческой религии. Там Зевс стал символом единства.

Дальнейший шаг состоит в превращении племенного бога в универсальное божество, как в иудаизме. В последующем это проявилось в христианской теологии, где в одном боге воплотились разные атрибуты божественности".

"На протяжении всей культурной и биологической эволюции идет борьба за существование между идеями и верой. Это не соревнование с другими культурными сущностями, которые в поисках объяснения явлений создают сферу идеологии. Важность борьбы состоит в обосновании научных концепций, которые касаются различных аспектов человеческой судьбы, начиная с мира физической природы, с которой судьба сталкивается и в дальнейшем захватывает мир самой человеческой природы. Это касается так называемого конфликта между религией и наукой. В широком смысле слова происходит соревнование между двумя типами культур. Одна строится на гипотезе Бога, созданной на базе мифологического мышления, другая — на натуралистической гипотезе, основанной на базе научного метода. Исторически результатами этого соревнования является выведение религии из-под эффективного контроля, отстранение от непосредственного контроля над аспектами природы, что ведет к дальнейшей отдаленности от явлений действительности. Сегодня Бог не может рассматриваться как контролер Вселенной. Гипотеза Бога не имеет больше какой-либо прагматической ценности в интерпретации или понимании природы. В современном мире наблюдается секуляризация священного. Многие сферы жизни, когда-то неисследованные и признаваемые сферами божественной деятельности, сейчас секуляризуются".

"Как мы уже отмечали, главной чертой биологической эволюции является замена старых организмов новыми. То же самое происходит в культурной эволюции. В идеологической сфере, как мы видим, имеются три культурные системы, связанные с судьбой человека: магия, теизм, натурализм.

Первая система основана на магической гипотезе о распространении нематериальной силы на судьбу человека; вторая строится на гипотезе Бога как сверхъестественного существа; третья — на научной гипотезе постижения естественных сил. До появления гипотезы Бога магия была доминирующим типом в системе веры. Однако и по-

сле она еще долго продолжает играть субординирующую роль.

Натуралистический тип системы веры создан в классическом греческом мире. Однако тогда эта система не была еще достаточно развита, чтобы заменить божественную систему веры. Натуралистическая система проходила длительные периоды подавления и субординации. Только в XVII веке, когда эта система начинает соответствовать организации общества, она играет определенную значительную роль в культурной эволюции".

"Сейчас религия имеет дело со всеми сторонами жизнедеятельности людей. Она остается традиционной в смысле воздействия на человека, в частности на его одиночество, пытаясь уменьшить или облегчить его страдание и принести радость".

"В культурной эволюции тем не менее конвергенция и слияние превалируют над дивергенцией и разъединением. Первоначально элементы культуры разбросаны. В последующем они могут переходить из одной системы в другую. В то же время любая культурная система основывается на синтезе ряда культурных систем".

"Все действующие религии являются органами социального человека и имеют дело с проблемами судьбы, с одной стороны, и с идеей священного — с другой. Если вы пожелаете объединить их, то сможете сказать, что религия имеет дело с проблемой судьбы, рассматриваемой в свете священного и неизбежно мистического.

Судьба сталкивает нас с определенными событиями наших собственных жизней. болезнями, любовью, тяжелыми утратами, смертью, удачами и неудачами. Сюда же включается вопрос о нашем личном существовании на земле и великая проблема нашего существования после смерти. Войны, нужда или социальное зло делают нас униженными. Окончательно судьба все дальше простирается на все человечество и всю природу вообще. Судьба сталкивает нас с нашими идеалами и недостатками, нашими желаниями и грезами, с вопросами о том, исчерпаема ли наша действительность, а также с фактами непознанного. Судьба постигается в сопоставлении с нереализованной возможностью, в сопоставлении нашей вины со святым, наших несовершенств с возможностями совершенства. Время наступает для свержения богов с престола. Приходит время интерпретации судьбы в пользу натуралистического типа системы веры. Однако до того, как натуралистическая система веры будет развиваться, научный

метод должен быть применен ко всем областям человеческой судьбы, иначе система будет неполной, обеспечивая один преждевременный синтез. Только когда научное познание соотносится с нашими идеями о судьбе, мы можем говорить о натуралистической системе веры; и только когда научное познание коснется всех аспектов судьбы, данная система будет отвечать требованиям времени".

Часть IV

Личные замечания

"Я пишу как автор, который никогда не относился к какой-либо официальной церкви. Я не знаю, разделяет кто-либо мои точки зрения в целом или в частности. В любом случае я пришел к ним самостоятельно. Мне помогли беседы с друзьями и критиками, конечно, случайные события моей личной жизни и окружающего мира. По большей части они казались благоприятными, а иногда нет. С помощью всего этого я сделал свои собственные заключения, которые не являются выводами какой-то определенной организации".

"В современный период религия, которая могла бы еще существовать, должна охватывать все стороны человеческой жизни. Такая религия имеет весьма значимую функцию по отношению к единственной человеческой душе. Главная ее функция состоит в том, что она пытается облегчить одиночество души, сообщить радость или подержать в тоске. Поэтому я чувствую, что говорить даже коротко о моих собственных личных опытах, которые являются религиозными, или касаться религиозных проблем будет весьма полезно. Во-первых, это дает конкретную основу, которая могла бы способствовать легкому постижению или пониманию жизни, чем безличный анализ. Во-вторых, это вселяет в меня надежду, как человеку, который чувствует религиозные проблемы и который хочет изменить ход жизни человека и найти пути из религиозных трудностей, которые осаждают мою волю, эмоции и интеллект".

"Я извиняюсь за эту главу. Хочу добавить, что это только дополнение к остальной книге, которую я пробовал сделать законченной, как вообще это возможно при таком маленьком объеме".

"Как наследственность, так и семейная традиция одинаково расположили меня к тому, что я проявил интерес к религии, хотя в дальнейшем мой подход к ней не являлся ортодоксальным. Мой дедушка Томас Хаксли, хотя считал себя на протяжении всего своего жизненного пути принцем неверующих и заклятым врагом религии, был в действительности (как я описывал это везде, особенно в работе "Томас Хаксли и религия", 1925 г., опубликованной в труде "Очерки по популярной науке", 1926 г.) был человеком глубоко и по существу религиозным. Он был пуританином по своей сущности, иконоборцем по духу и в то же время обладал глубочайшей способностью к благоговению. Эту способность он распространял главным образом на истину и моральную добродетель, что поддерживало его во всей его жизнедеятельности, где он был настоящим сверхчеловеком. Естественно, традиция Томаса Хаксли с его твердым мышлением, полным страстного жизненного, интеллектуального интереса и постоянного желания открывать высшие ценности истины и блага, витала в воздухе, которым я дышал. Может быть, воздух традиции был несерьезным тоном для еще неуверенного в себе романтического ребенка. Во всяком случае все это помогало. При этом необходимо учитывать наличие у людей того, что психотерапевты называют комплексом низшей степени, ведущего к колебанию между недоверием и убежденностью, отчаянием и приподнятым настроением, которые свойственны развивающимся умам. Но во всяком случае устанавливался стандарт, который с самых ранних времен был величайшей ценностью для меня".

"С другой стороны, в мою жизнь тогда вошла совершенно другая струя и традиция также религиозная и моральная, но совершенно иного характера".

"Мой прадед Томас Арнольд Рагби был человеком сильного религиозного убеждения, великой моральной силы и прирожденным учителем. К религии он относился как либерал. Его сын М. Арнольд был очень известным в англиканской церкви. Его брат, мой дедушка, в то же время дважды оставлял англиканскую церковь и переходил в католическую.

На меня, несомненно, влиял Гемфри Уорд и его романы "Роберт Элсмер" и "Давид Гриф".

Мое воспитание нельзя назвать чисто религиозным. В этом плане оно крайне поверхностно. Самые простые священники ввели в нас мистическое слово "Бог". Нам

рассказывали историю Иисуса Христа. Знание этой истории, моральные идеи, особенно отсутствие эгоизма, сильно действовали на мое мировоззрение. Я не приписываю М. Арнольду определение религии как "мораль, связанная с эмоциями", но нужно сказать, что он определенно формировал часть атмосферы моего воспитания. Скажем откровенно, я не имел никакой специальной или жизненной интуиции в отношении Бога. Я не находил никаких побуждений к логическим ответам по этому вопросу. По моему мнению, религиозные идеи в моем сознании были очень смутные и проявлялись в чувствах того, что что-то существует, называемое божественной идеей или силой, которая входит в контакт с моей жизнью, будучи ответственной за такие явления, как погода, болезни и т. д.

Я не представляю себе, что это за сила. Я не имею никакой веры в то, что она — личность.

3. Фрейд говорил нам, что комплекс отца, преобладающий в детстве, является главной или единственной причиной нашей персонификации сил природы в качестве личного Бога. Это выглядит так: даже Будда имел отца и даже рабы-дикари со своими анимистическими и полидемоническими идеями, видевшие Бога в каждом укромном уголке и трещине, имели не более чем единственного естественного отца.

Я с трудом верю, что эта точка зрения вообще применима, хотя я испытываю определенное чувство благоговения к непознанной идее Бога. Я никогда не думал о Боге как личности. В добавление я хочу сказать, что у меня нет основания искать в себе комплекс отца".

"Религиозное образование, которое я получил, было полностью неортодоксальным по качеству и, к счастью для моего позднего интереса к религии, исключительно небольшим. Мои наблюдения подмечали контраст между идеями и практикой нашего неортодоксального семейства. Посещение церкви вызывало внутреннюю мистичность с ее интеллектуальным аспектом, чувство святости и благоговения. Все это казалось невозможным для постижения молодым умом, создавало во мне внутреннюю загадку. Мне был не ясен смысл эмоциональной и интеллектуальной мистики. В связи с этим во мне развивался неразрешимый комплекс, растущий вместе со мной и внутри меня, подобно мыслительной опухоли, становясь частью моего существа. На этой стадии эти чувства и идеи не играли никакой большой роли в моей жизни. Параллельно с этим я ясно вспоминал различные, более спон-

танные действия, которые способствовали моему религиозному развитию.

Я любил одиночество и природу, имел страсть к диким цветам, но это была только общая основа. Естественно, я не был в том возрасте, чтобы полностью понимать, почему данное явление рассматривается как священное, но во мне этот вопрос жил. Мистические и священные качества влияли на мой ум и имели сильное действие. Основные психологические качества, повлиявшие на мои религиозные идеи, — это недоверие и эгоизм, которые постоянно мучили меня. Они особенно мешали, когда я пошел в подготовительную и начальную школы, а потом в среднюю. В последующем я был выброшен с моими собственными ресурсами в общество, которое состояло полностью из незрелых человеческих организмов. Отсюда я еще больше полюбил одиночество.

В Итоне я был в числе тех, кто радовался церковной службе. Но в целом христианская схема с ее теологическими положениями осталась полностью мною непознанной и непостижимой. Я не мог понять, чтобы кто-то с самого начала детства мог принять это. Тем не менее факт состоит в том, что большинство тех, кто окружал меня, принимали церковную службу. Это вызывало у меня чувство, что должна была существовать разница между мною и другими, разница, которая не затрагивала меня, но благодаря естественному инстинкту молодости вызывала во мне умственную некомфортабельность и заставляла углублять естественное чувство таинственности, которое окружало религиозные проблемы.

Надо сказать, что вопреки моей интеллектуальной враждебности церковные обряды давали мне что-то ценное. Несомненно, что я получал от церковных обрядов церкви Генриха VI не только красоту, но что-то, что должно называться специфически религиозным. Сначала взлеты перпендикулярной готики, гимны и орган, поэзия псалмов и проповедей являлись способствующими факторами. Но потом в юности я ознакомился с литературой и искусством, эмоциональным богатством мира и лирической поэзией, которые вызвали во мне более интенсивные и мистические чувства, чем церковная служба. Бетховенский концерт может создавать более высокие полеты, чем орган, который кажется по сравнению с музыкой Бетховена более бледным и односторонним. Это не было чисто эстетическое чувство. В нем было что-то специфическое, можно сказать религиозное.

Таким образом, эмоциональная сторона религиозной жизни во мне была усилена льющейся энергией юности. Но интеллектуальная сфера была в заметной изоляции от эмоциональной и создавала настроение постоянной неудовлетворенности постановкой вопросов жизни. В то же время во мне росло чувство неудовлетворенности христианской теологией, которую мне предлагали.

Поэзия юношества убеждается в фактах социального неравенства. У меня возник конфликт между восприятием фактов жизни и тем, как они изображаются в литературе, музыке, искусстве. Этот конфликт усиливался в двух главных отделах моей жизни — интеллектуальной и эмоциональной. Они, объединяясь, создавали многосторонний конфликт".

"Поскольку я могу видеть, главное различие между примитивной и развитой религией состоит в том, что развитая религия пытается решить этот конфликт, а примитивная религия не склонна к его разрешению. Примитивная религия пытается принять святость определенных вещей и событий, а также идей как данное и действовать на каждую такую индивидуальную святость непосредственным путем. Но пытливый разум не удовлетворяется этим и требует, чтобы его религиозная жизнь была полной и целостной. Она должна быть интеллектуальной и натянутой в одной струне с теологией. Религиозная жизнь представляет моральное целое, основанное на моральной философии и признанной шкале эмоциональных и эстетических ценностей. Таким образом, она требует самой полной красоты и отбрасывает бесценные вещи. Если данное целое предполагает объединение этих аспектов, то его моральная схема не должна оставаться в пустоте, оторванной от практики и жизни.

Конфликт никогда не может исчерпаться сразу и навсегда чистым принятием формулы или сухо очерченной схемой спасения. Он разрешается в индивидуальной жизни — либо в неудачах, либо в случайном равновесии враждебных сил, либо в полном равновесии активностей, основанных на мире. Все это призвана решить организованная религия с ее учениями и практикой. Только через накопленный людьми опыт, действующий ежедневно в традициях, в образовании индивид может бороться и прийти к реализации возможностей, которые имеются в нем. Так же было со мной".

"Следующая стадия в моем развитии была главным образом наполнена попытками решить конфликт, который

сохранялся во мне в борьбе с самим собой. Эта борьба усиливалась в связи с личным опытом, а также чтением книг по современной психологии. Я оживился, начал верить в ценность определенных идей и действий. В теологии это называется верой. Эти идеи не были сильными, так как я не сосредоточивался на ортодоксальных предметах религии. Они толкали меня к жизненному аскетизму, моральному совершенствованию. Они направляли меня на мастерство науки, в которую я твердо верил. Я уединялся в поисках света и скитаний по книгам, искал предмет высшей ценности, материал, который давала великая поэзия, где истина и красота идут рука об руку. Но эта "вера" не была еще основана или связана с потенциальными силами моего "я". Это была еще предубежденная вера, как любая другая узкая религиозная вера. По-путню замечу, что убеждения многих защитников религии, их вера в откровение или личного Бога не нуждаются ни в каком религиозном опыте, религиозной борьбе и религиозном развитии".

"Я все больше и больше задавал себе вопросы о своих личных внутренних переживаниях и мало находил ответов на них, что делало меня глубоко несчастным. Это обстоятельство иногда останавливало мою энергию, что грозило парализовать и само умственное состояние. Такие конфликты известны психологам и невропатологам, а также тем, кто соприкасается с религиозной психологией. Все это им представляется менее трагично, чем тем, с кем этот конфликт случается".

"В конце моего пребывания в Оксфорде я казался счастливым, юным, молодым человеком с достаточным физическим здоровьем, с определенным талантом, с возможностями сделать карьеру. В то же время во мне существовала раздвоенность, которую можно выразить словами В. Уитмена "ад под костями черепа, смерть под костями груди".

Жизнь кажется невыносимой, но проблески альтернативного сознания, случайные моменты великого счастья и духовной свежести приходят обычно с помощью поэзии, или красивого ландшафта, или от людей. Когда мне было пятнадцать или шестнадцать лет, эти моменты приходили ко мне естественно, без усилий в повседневной жизни. Теперь они казались мне наиболее ценными в жизненном существовании, так как не давали мне возможности обречь себя на несчастную жизнь. У меня не было сил форсировать этот опыт мира и переживаний, в которых

воплощена высшая ценность. Они приходят сами или не приходят никогда. Такая независимость нашей воли на определенных отрезках жизни наиболее ценима. В сфере религиозного опыта она порождает теорию божественного благочестия. Нам кажется, что оно исходит из источника, находящегося вне нас".

"Интересна и психологическая база, которая имеется в религиозной сфере. Это подтверждается тем, что любой интенсивный конфликт, который сопровождается подавлением, автоматически выливается в большую интенсивность чувств той или иной конфликтующей стороны в период ее победы. Почти вся религиозная мистика проявляется в периоды конфликтов, в которых те или иные желания человека подавляются. При этом выход из подобного состояния мистики ищут сверхъестественными способами и путями. Вряд ли при этом усиливается интенсивность желаний. Но это уже предмет дискуссий психологов и мистиков".

"Я возвращаюсь к себе. Освобождение от этих периодов духовного неудовольствия было для меня возможным в той сфере, которая на первый взгляд кажется удаленной от сцены борьбы. Я имею в виду природу и ее естественную красоту. Даже уже в возрасте пятнадцати лет я находил удовлетворение в естественной красоте природы. Проявлялось это не только в отдыхе, но в каком-то охватывающем меня мистическом состоянии. Я знаю, что тысяча людей проходит через такое переживание, что, однако, не уменьшает нищеты, изоляции.

В то же время надо подчеркнуть, что такой опыт идентичен по своей природе с религиозной мистикой. Разница заключается в том, что опыт мистика относится и сосредоточивается на определенных теологических концепциях. Основу теистической религии составляет положение, согласно которому человек не способен осознать смысл бытия и высшую ценность своего существования. Мистики называют это состояние "темной ночью души" и описывают его как "оставление души Богом".

На мой взгляд, неважно, верите ли Вы в Бога как некое существо, которое посещает Вас, или, как в моем случае, когда я не переживаю существование божественного существа где-либо. В обоих случаях чувства подобны. В обоих случаях это — чувство ужасной темноты, потери, одиночества и опустошения души. Оно не имеет отрицательного аспекта, так как связано с высшей действительностью. Оно имеет в то же время позитивный аспект и связывается с чувством общности.

Единственное отличие заключается в том, что в одном случае чувство соотносится со всеобщими интеллектуальными рамками разума, в другом случае таких рамок в разуме не существует.

Я не думаю, что люди, полные здравого смысла и владеющие практическими добродетелями, никогда не страдали от каких-либо разладов внутри себя. Но они рассматривают их как естественное состояние, присущее характеру и природе самого человека, а также всей Вселенной. Они всегда находят мир достаточно комфортным, чтобы жить в нем, и поэтому не беспокоятся о том, чтобы достичь какого-либо реального осознания того, как и почему жизнь является ценной. Но для того, чтобы открыть, что жизнь есть ценное проживание, в то время как в течение долгих месяцев Вы вопреки всему вынуждены чувствовать и верить в обратное, Вы сами постепенно сознательно начинаете принимать ценности, присущие самым простым вещам и действиям, и приобретать новый смысл жизни".

"Для себя я был доволен тем, что сумел преодолеть тиранию гражданской войны и темноты ночи, принять разнообразие мира. Все это дало возможность оставить собственные противоречия и заняться общими проблемами существования. С другой стороны, конфликт полностью не исчез.

В этот период я учился во вновь созданном университете в Техасе. Жизнь в другой стране показала, что все хорошо известные институты и идеи моей собственной страны являются относительными продуктами времени, места и обстоятельств, переплетающимися с особенностями человеческой природы. Все эти наблюдения переплелись с изучением биологии, что еще раз подтвердило относительность всего существующего на Земле. Эту относительность я считаю существенным и общим принципом. Данное открытие помогло мне подменить естественную терпимость юности терпимостью зрелости, которая сочетала в себе чувство практического удобства и разумный принцип подхода к существованию. Подобному выводу способствовало то, что я был брошен в среду различных людей, которые помогли мне почувствовать связь с человечеством, с людьми других сословий, понять их мысли, чувства, способности и желания".

"Просматривая литературу в публичной библиотеке Колорадо Спрингс под тенью скалы Пайк, я пробежал несколько очерков лорда Морли, в которых обнаружил

слова: "Великая задача науки — создать религию человечества". Я был потрясен, что лорд Морли — человек интеллектуальной силы и рациональных устремлений так сильно проявил интерес к религии человечества. Я зажегся его убеждением, что наука играет существенную роль в формировании религии будущего, достойной иметь имя.

Другие очерки Морли напомнили мне, что все великие умы — писатели, живописцы, ученые, общественные деятели — внесли свой вклад в религию. Несмотря на оппозицию сект и предубеждений, религия медленно изменялась с помощью великих мыслей и действий людей.

Мысли лорда Морли оказали большое впечатление на меня. Я только тогда понял, насколько они мне близки. Все это принесло мне удовлетворение и спасло от других конфликтов и переживаний, которые назревали во мне.

В последующие годы я достаточно осознал, что личный опыт только для личного опыта не удовлетворяет, так же как сентиментальные желания для того, чтобы сделать хорошее, могут запутать крылья действий. Действие должно помочь мысли обогатить жизнь. Долго я вращался в большом круге интеллектуального высокомерия юности (моя юность напоминает мне юность Фауста). Сначала я не был удовлетворен любовными потехами ради самого себя, настаивал на презрении к труду и практическим действиям. Однако потом я пришел к пониманию того, что по крайней мере для разума, подобного моему, в цивилизации, подобной нашей, спасение может исходить из постоянного труда и деятельности".

"В то же время события в мире внесли свой вклад в мою частную жизнь. Началась первая мировая война. Вместе с ней исчезла принятая основа существования. Война выявила человеческую природу как ничтожную. Она включала в себя и высший героизм, и безумие, и хладнокровие, и безверие, и самопожертвование, и жестокость. Для того, кто дышал атмосферой науки и прожил значительную часть своей активной жизни в других странах, проблемы войны были особенно остры. Что означает наличие одной морали для нации, другой морали для личности? Я никогда не забуду отвращение и антипатию, которые я чувствовал однажды в США, когда услышал восхваление американского солдата: "Моя страна великая, неважно справедливая она или нет, остальное вздор". Слова, которые, будучи аморальными, возводились на золотой пьедестал".

"Казалось совершенно очевидным, что если человеческие потребности удовлетворены и практическая деятельность социальной машины создана целесообразно, то мораль может выступать в качестве выдвигаемого жизненного критерия. Если человек одинок, то неважно, где он находится: с друзьями, или в армии, или на производстве. Это сопоставимо с биологическим положением, что "тот же самый атом находится в определенном состоянии вне зависимости от того, находится он в одиночестве или в том или ином химическом состоянии".

Встает вопрос: становится ли человек человеком, если он имеет свой абсолютный категорический императив?

Моральные принципы исчезают так же, как и внешние правила и установленные нормы. Они не могут удержаться в определенном психологическом состоянии. Категорический императив является моральной потребностью самого абсолюта, чтобы действовать в одном направлении или в другом в особенных установленных условиях. Это есть высочайшая цель блага, которую индивидуум может установить для себя в качестве руководства. Чтобы говорить об абсолюте в морали, надо говорить об абстрактных и общих нормах. Но смысл их очень отличается от обычного смысла, и их принятие предполагает относительность морали, которая является фактом. Следовательно, постепенно разрабатываются ее частные применения. Война форсировала эту проблему. Я оформил свою идею биологической относительности в отношении структуры человеческого организма и его инстинктов через факты эволюции. Потом распространил это на человеческую мораль. Война привела к изменениям в рутинной области мышления нашей академической сферы, с которой я был связан. Хотелось размышлять, но под руками не было никакого материала. Война является самым бессмысленным отрицанием мысли".

"Теперь, когда мой мозг свободен от рутины интеллектуальной профессии, я стал использовать свой досуг на решение религиозных проблем, которые до этого были постоянно на втором месте. У меня еще было много неразрешенных проблем. Нельзя себе представить, что проблемы, которые были для христианских теологов XIX века предметом дискуссии, не имели никакого значения в XX веке. Однако многие теологические положения трудно выразить на современном языке.

Что же является причиной нашего взаимного непонимания? Только ли дело в различных понятиях? Или в раз-

ной интерпретации их с нашей и их стороны? Или преднамеренная слепота с моей стороны и несправедливое воображение с их стороны?

Я заставил себя в перерывах военного обучения читать теологические книги с намерением рассмотреть их теоретические положения в терминах эволюционно-натуралистической философии, которую я тогда сам построил. Многие из этих книг совершенно выпали из моей памяти. Но многими я был очарован, и в то же время они оттачивали своим интеллектуальным упрямством.

Другой случай я запомнил на всю жизнь. Мы совершали ночные прогулки между Алдершотом и Флитом. Стояла теплая июньская ночь, насыщенная ароматом ракитника. Монотонность военного учения сменилась тишиной, красотой, что склоняло к бесцельному размышлению. Вдруг по необъяснимой причине, без всякой видимой связи через мой мозг прошла проблема и ее решение. Я понял, что две точки зрения или два метода действия не могут быть одновременно выдержаны как добрые, хотя фактически одновременно могли быть и добрыми. Например, когда двое входят в контакт, один может проявиться и злым и добрым. Это может случиться, когда оба одновременно двигаются в общем направлении, но один движется намного медленнее и тем самым становится помехой другому. Это — общая трагедия жестокого конфликта между двумя действительностями, двумя убеждениями. Следовательно, со мной произошло то, что обычно определяется термином "откровение", что известно и описано многими математиками и другими учеными. Такое случается у мистиков. Это, по-моему, не имеет никакого отношения к морали или религии, это — видение ума, видение великого шара Земли и его красоты, все соединенное в почти мгновенный акт. Моцарт описывал нечто подобное в музыке, когда после окончания симфонии он испытывал сильное удовлетворение.

Я считаю, что психология и нейропсихология должны изучать подобные состояния. Я могу поручиться, что подобный опыт крайне ценен.

Изучение данного состояния заставляет меня понять, хотя и не полностью, видение и художественное, и религиозное. Все это подтолкнуло меня к изучению литературы о мистицизме.

Чтение книг и изучение конкретных примеров привели меня к выводу, что мистическое откровение может быть только в психологическом смысле слова, а не в букваль-

ном. Нет потребности ни в каком сверхъестественном существе или силе, создающей откровение. Откровение не является внешней реальностью. Желания и стремления разума создают жизненный опыт на новом уровне, выше обычного опыта, что дает возможность более высокого организованного духовного постижения".

"Я считаю, что положение, согласно которому моральное откровение и мистические видения являются результатом общения личных сверхъестественных существ, является глубоко ошибочным".

"После войны надо было приниматься за восстановление моей мирной профессии. Это было время, насыщенное фаустовским юным духом. Я создал "евангелие труда", которое удовлетворяло средние слои английского общества. Позже через три-четыре года я принялся распутывать свои мысли о религии. Мои друзья спрашивали, могу ли я написать статью о религии и науке. После некоторых колебаний, так как никто не знал, что я испытывал, я согласился. В результате моих научных исследований появился очерк "Опыты биологии", опубликованные в 1923 году.

Два главных заключения, к которым я пришел, касались определения религии и Бога. Религию я пробовал видеть в объективном виде, беря то, что есть общее в различных системах теологии. Я не чувствовал тяготения к определенной религии, рассматривая ее как реакцию человека на Вселенную. Настоятель одного из соборов, рецензируя мою книгу, цитировал это определение религии, считая его одним из лучших. Но, несмотря на одобрение, я все-таки чувствовал, что оно неполно.

Сейчас я считаю, что имеется несколько путей к постижению и определению понятия Бога. В одном определении Бог просто выводится из откровения Священного Писания. Такое определение для меня и для наиболее образованных людей сегодня означает возвращение к мифологии. Многие ученые пытаются дать определение Бога с помощью философского подхода, беря на вооружение метафизику. Здесь посредством абстрактного процесса мышления философ видит в Боге тот абсолют, первопричину или конечный принцип, которые, по его мнению, обеспечивают связь или благоразумность Вселенной. Это он называет Богом. Одна из известных попыток в этой области — теория профессора Уайтхеда, который после блестящего открытия в вопросах психологической основы религии и религиозной жизни вдруг взял на вооружение

метафизику и пришел к заключению, что Бог есть принцип рациональности, который охраняет мир от хаотичности и неразумности. В работе "Наука и современный мир" он утверждает, что "природа Бога есть основа рациональности".

"Мое возражение ему, а также всем метафизикам состоит в том, что Бог, которого они утверждают, представляет собой нечто необъятно безличное, не имеющее отношения к конкретным богам, которых человечество в течение тысяч лет фактически боготворило. Конечно, я не говорю, что метафизический Бог не может быть истинным Богом. Он может быть самым истинным и в реальности отождествлен с Богом религии простых людей. Но мне кажется, что при метафизическом подходе его было бы лучше назвать другим именем.

В своих последующих главах я попытаюсь дать свое понимание религии и Бога".

Часть V

Некоторые основания

"Моя следующая задача состоит в том, чтобы попытаться показать, на чем базируется религия. Теологи и мистики в этом вопросе действуют вместе. Одни подходят к религиозной реальности со стороны божественной веры, другие — со стороны интуиции и эмоции, считая, что основа религии в утешении. При этом она не может быть описана словами и понята человеческим разумом.

Часто утверждают, что сущностью религии является вера в Бога, означающего личное или сверхличное божественное существо или по крайней мере сверхъестественное существо любого вида. Однако имеются религии, в которых нет подобного понимания Бога. Например, в буддизме. Но не только там. Даже в странах, где теистическая религия общераспространена и большинство ее последователей отправляют культовые действия, она не всегда связывается с понятием Бога. Тем не менее нельзя не признать факт, что идея божественного существа все равно имеется даже в таких системах, хотя и на других основаниях. Такая религия, хотя фактически интерпретируется в догматах теологии, тем не менее основывается на психологических понятиях и чувствах, включая чувство надежды и другие.

Я предлагаю оставить идею Бога для теологов, которые будут объяснять ее с помощью фактов религиозного опыта. При этом мы отрицаем идею непосредственного откровения как незрелый символизм ранних эпох.

Итак, имеется много попыток определить религию. Эти определения не имеют общей основы. М. Арнольд определял религию как "мораль, окрашенную эмоцией". Э. Тайлор предлагает, что "вера в духовные существа есть минимум религии". М. Мюллер говорит, что "религия складывается из восприятий бесконечного с различными его проявлениями и их влиянием на моральный характер человека". А. Уайтхед считает, что основой религии является "сила веры, очищенная от архаических элементов. Религия с доктринальной стороны может быть описана как система основных истин, которые имеют преобразующий характер".

Определяя религию, Уайтхед делает общую ошибку, подходя к ней как к уже развитой системе. Он заменяет религиозный идеал его реализацией, которая иногда крайне далека от самого идеала, а иногда имеет совершенно иную природу. Позднее он говорит, что "религия есть то, что человек творит в своем одиночестве". Здесь он снова отрицает всякую социальную природу всех религий".

Два следующих высказывания заслуживают внимания.

"Религия есть искусство и теория внутренней жизни человека, поскольку на этом основывается сущность человека, природа которого постоянна". Это — прекрасно и истинно, но только если применимо к развитой религии и вдобавок к ее лучшему виду. Позднее Уайтхед говорит, что религия проходит три стадии от "Бога Пустоты к Богу Дьяволу, а затем к Богу Соучастнику". На наш взгляд, эта идея имеет большое значение для всех, кто изучает сравнительную историю религий, а также для человека, желающего развивать свою внутреннюю религиозную жизнь".

"Все даваемые определения религии являются неполными, подчеркивающими одни аспекты религии, исключая другие. Но сущностью религиозной реальности является опыт, который воплощает себя в символе и находит духовное выражение в теологии. Что это? Не является ли ее сущностью идея священного?"

Чувство священного подобно чувству голода, гнева или любви, нечто неуменьшаемое. Оно имеет значение только при соотнесении с другими чувствами. Само по себе

оно ничто, так же как чувство цвета неведомо слепому человеку".

"В этом плане интересна позиция Рудольфа Отто.

Р. Отто, известный протестантский теолог, в труде "Идея святого" считает, что священный опыт, имеющийся в событиях, личностях, вещах и мышлении является ядром ценностей современного христианства. Он подчеркивает, что священное лежит в основе не только отдаленных моральных требований и духовном наследии прошлого, но и в развитых религиях, подобно христианству, в котором мораль и интеллект находятся в тесной связи с религиозным чувством. Раскрывая чувство священного в развитых религиях, Р. Отто пишет: "Давайте рассмотрим глубокие и фундаментальные элементы, лежащие в основе религиозной эмоции. Вера и спасение, справедливость и любовь — все имеется там. Над ними возвышается элемент, который совершенно отличен от других, глубоко действует на нас и ставит разум в тупик. Давайте с помощью симпатии и воображения выясним, где в глубине нашей жизни он заложен и где находится вне нас. Он проявляется через личное благочестие в фиксированных ритуалах и литургиях, и снова в атмосфере храмов и церквей. Таким образом, будем иметь дело только с определенным выражением этого чувства — некой мистической тайной. Это чувство времени наполняет наш разум спокойным состоянием глубокого поклонения".

Прочитую одно место из работы Р. Отто, где он говорит о психологическом базисе религиозного опыта. Исследовав первобытную религию, он пишет: "Прежде всего сквозь нее проходит чувство "таинственного", "судьбы", "жуткого". Это чувство, которое возникает в разуме первобытного человека, формирует основу для развития религии в истории. Демоны и боги — все продукты мифологической фантазии, являются не чем иным, как различными способами, в которых объективируется это чувство священного. Все попытки объяснить происхождение религии в терминах магии или фольклора с самого начала обречены на то, чтобы ввести в заблуждение и упустить реальную цель исследования. Наша природа уникальна, и она является фактором и основным импульсом, лежащим в основе внутреннего процесса религиозной эволюции". Но чувство "таинственного" и сверхъестественная сила, которая предполагает объяснить его, не является необходимо доброй. Как указывает Р. Отто, она может быть злой. Сверхъестественная сила предпочитает жить в объ-

ектах, потому что она составляет священное, "теоплазму", в которой боги изобретены. Позже чувство священного может проявить себя как зло, поскольку добро заканчивается. Тогда появляется черная магия, вызывая чувство беспокойства. Магия в то же время может привести к удовлетворению, так же как и молитва, которая вызывает и гнев богов и их любовь".

"По этой причине Р. Маретт предпочитает не называть это чувство "священным", а заимствует полинезийское слово "мана", которое фактически употребляется сегодня для обозначения мистической силы, которая пребывает во всех объектах, добрых и злых, но которую надо остерегаться, так как внушает страх".

"Я ставлю вопрос: что делает религиозные эмоции религиозными? Почему мы можем сказать, что одни мотивы или действия являются религиозными, а другие — моральными? Почему мы можем назвать одну веру научной, а другую — религиозной?

Здесь можно сделать ряд предположений.

Нормальный человек имеет врожденную способность экспериментирования в определенных случаях постольку, поскольку у него есть представление о том, что такое красное и голубое. Он знает, что такое страх или отвращение, чувство любви или ненависти, добро или зло. У некоторых появляется желание это осуществить. Большинство исследователей, с другой стороны, имеют менее интенсивные желания в этой области. Они понимают таинственность, когда соприкасаются с ней, но у них нет способности открыть ее или выразить. Есть люди, которые вольно или невольно не могут понять, что они подразумевают под таинственным, священным или святым".

"Я использую термины "чувство священного" или "чувство святого" как равнозначные.

Силы, которые находятся вне природы, тайны, с которыми сталкивается любопытный разум, события человеческой жизни: его рождение, женитьба, смерть, а также моральные идеалы и т. д. — все это может быть объектом религии, но не обязательно. Они только входят в границы религии постольку, поскольку они воспринимаются как священное. Любая деятельность человека может быть воспринята как священная, ей может быть придан оттенок святого, и как результат она может стать религиозной.

Чувство священного или святого является высшим комплексом мысли человека. Одним из его главных пси-

хологических моментов является благоговейный страх, который сам включает чувство удивления, восхищения, почтения. Таким образом, "тайна", "святое" могут быть рассмотрены как реальная сущность, вызываемая одновременно чувством страха и чувством почтения. В конце концов тайна может быть простым объяснением необыкновенного или страшного. Таким образом, тайна или мистика могут быть устранены образованием и познанием. Однако они часто существуют при объяснении прошлых каузальных событий. Для нашего разума характерна тенденция находить в объяснении тайны привычные моменты и избегать необычные. В этом у религии есть параллель с искусством. Тайна является временной и неполной фазой искусства, проявляющаяся в музыке, поэмах, картинах. То же самое происходит и с религией. Человеческий дух, который стимулируется ошибками, катастрофами, уступает место интуиции, которая ищет свое место в общих фактах и вызывает чувство благоговения, удивления или любви".

"Существуют различные пути формирования религии.

Во-первых, человек нуждается в некотором объяснении мира и его места в нем. Эти попытки объяснения фактов могут способствовать возникновению религиозных чувств, а также дать основу мифологии или идеологии. Во-вторых, эти попытки являются или рациональными или мифологическими. Часто рациональная поддержка не обеспечивается реальными доказательствами. В случае мифологических попыток наши желания становятся первичными по отношению к жизненным обстоятельствам. Однако постепенно логика и опыт направляют свою работу на эти объяснения и способствуют улучшению их".

"Истинно, что в своей первоначальной основе религия не имеет веры в Бога или богов, веры в абстрактное добро, в спасение души или откровение. Все это появляется позднее. Но истинно также и то, что с накоплением человеческого опыта растет его логика. Человек будет находить определенные вещи и идеи, к которым качество священного будет приклеиваться. По мере своего развития религия включает моральные идеи, ритуалы и чувства. В дальнейшем они становятся привязанными к чувству священного.

Один процесс, который с самого начала имеет важное значение, состоит в переносе чувства священного на определенный объект или событие, для объяснения последующих достижений. Это вызвано принципом ассоциации, являющимся фундаментальным в мышлении".

"В религии действует также сила авторитета. Она обосновывается двумя путями. С одной стороны, факты бессмертной традиции превращают в "священное" события прошлого, которые сами, в свою очередь, становятся основой настоящего и будущего. Во-вторых, желание укрепить авторитет часто приводит к тому, что опосредованно или непосредственно оно обосновывается идеей священного. Религиозный консерватизм помогает традиции и откровению".

"В предыдущих частях показано, что в процессе объяснения явлений теология и естественные науки существуют бок о бок. Теология вырастает из объектов, объявляя их священными. Наука вырастает из всеобщих объектов (законов), не связанных с религиозными идеями. Но, несомненно, эти объяснения не могут сохранять за собой локальные регионы реальности. Естественно, что в развитии цивилизации всегда будут моменты, когда наука и теология приходят в конфликт, так как они исходят из различных сфер опыта. Только одно может спасти от конфликта между ними. Религия должна признать интеллектуальные методы науки как ценные для теологии. Наука должна принять психологическую основу религии как окончательный факт".

"Теперь коснемся морального аспекта религии.

Родство морали и религии считают обычно традицией, забывая при этом причину, связанную с пониманием сверхъестественных существ. Этический характер богов отражает определенный исторический момент в развитии определенных моральных идей. Постепенно укрепляется идея, что разум и другие качества являются качествами Бога. В то же время объявляется, что они являются абсолютными. Тогда Бог становится не только всемогущим и всезнающим, но и абсолютно добрым.

С одной стороны, Бог — всезнающий, всемогущий, абсолютное добро, с другой стороны, существует зло. Здесь проявляются две различные тенденции, которые являются результатом двух аспектов проблемы. Или человек предпочитает видеть в Боге абсолютное добро, а вечный конфликт со злом объясняет природой. Или он приписывает Богу мудрость и доброту, и тогда все злое, включая страдания и несчастья, объявляются необходимыми для нашего трансцендентного развития по мере продвижения космического плана.

Религия возникает из страха и почтения, которые сами становятся религиозными объектами, а позднее рационализируются в этические понятия.

Другое предположение состоит в том, что идея сверхъестественных божественных существ, являющаяся необходимостью для любой религии, в то же время есть умственная рационализация, которая была необходимостью и неизбежностью для определенного примитивного уровня мышления и культуры и которая в последующем с помощью человеческого интеллекта и морали дала такие высокие понятия, как "Бог".

"Но если сущностью религии не является вера в Бога или богов, и жизнь не подчиняется их команде и воли, что же затем она есть? Религия представляет собой жизненный путь (или путь жизни), искусство любить другие живые существа, с помощью которого мы можем достичь добро. В связи с этим религиозная эмоция всегда будет существовать и соответственно требовать своего выражения. Пути, с помощью которых она ищет выражения, могут быть хорошими или плохими, но с трудом реализуемыми. В целом они могут быть хорошими для индивидуального поколения, но плохими для общества. Человеческий масштаб желаний и ценностей, его духовные возможности диктуют направление развития религии и идеи богов, к которым человек стремится. Наш долг знать эти внешние факты истинно и полно. Наша обязанность состоит в реализации наших собственных возможностей. Если мы это делаем, то предотвращаем человеческое религиозное чувство от подчинения системе, которая не дает религиозному духу раскрыть себя, а также освободить себя от жестокости и преступлений. Мы должны дать возможность религии раскрыть саму себе. Если мы не сделаем этого, то в результате, вольно или невольно, мы отделяем человека от человека, так как человек в определенной степени проявляет себя в религии".

Часть VI

Сравнительная религия

"Религия отличается от других действий тем, что она не истощает себя, подобно игре, которая существует в искусстве. Религия не только индивидуальна, но и социальна. Она не имеет ограничений в своих действиях. Религия освещает нас. Она есть надежда и прекрасный жизнен-

ный путь. Подобно науке, религия никогда не проявляется полностью. Она прогрессирует и достигает "откровения", которое является открытием чего-то нового и доброго, но непознанного. Поэтому если религиозный путь является одним из путей, подобно искусству, то он выражает нашу уникальность и ценность. Если он подобен политическому принципу, то он помогает выразить себя в организациях и институтах. В связи с этим необходима вера".

"Нам необходимо найти способ исследовать религию, выявляя все ценное в ней и вместе с тем не соответствующее современной действительности. Особыми путями, с помощью которых такой анализ будет полезен, является метод сравнительного изучения религии у различных народов на всех возможных уровнях культуры. С помощью него можно понять психологические механизмы религиозного опыта. Данное исследование происходит в свете всего нашего опыта и целой системы схем ценностей, в силу чего выявляется место религии в обществе цивилизованных людей. Это трудная задача.

Сравнительный метод отмечает факты различий и сходств между религиями, ищет истоки веры и ритуалов, находит их эволюционное происхождение, дает объяснение современного состояния. В области сравнительного изучения религии Тайлор и Фрэзер являются классическими фигурами".

"На первых порах, как я уже подчеркивал, религия вырастает и первоначально существует на основе идеи священного. В последующем в этом священном нет необходимости, и оно ограничивает свое значение как "хорошее священное", но вместе с тем остается и как "плохое священное". Здесь священное олицетворяет злые и добрые силы природы и общества. Другими словами, на данной стадии развития цивилизации священное не связано с моральными идеями, оно не позитивно и не негативно.

Ошибкой было бы считать, что первоначально объектами религиозного чувства были боги. Религиозное чувство формируется с помощью идеи, что некий дух, в широком смысле слова, пронизывает природу. Таким образом, первобытный человек интерпретирует большинство явлений в терминах духа, проектируя это на природу, с которой он связан, на себя и на других".

"Хотелось бы отметить, что в жизни первобытного человека большое значение играли табу. Интересно, что

когда полинезийцы переходили в христианство, их привычные жизненные табу были способны существовать в новой религии".

"Другой чертой первобытной религии является вера, что человеческая жизнь окружена силами, которые могут быть злыми и добрыми. Отношения между этими силами и объектами, которые считались священными, не всегда ясные. Можно полагать, что священная сила находится непосредственно в объектах действительности, в которых считалось, что она накапливается.

В другие времена сверхъестественная сила находилась вне этих объектов, порхая вокруг них, подстерегая момент приложения возможностей.

Первобытный человек считался с этими силами, но редко испытывал по отношению к ним благоговение. Эти силы, согласно ему, могли принести человеку несчастье. В то же время он не оставлял надежду на то, что они могут принести счастье. Подобная двойственность имеется и сегодня во всех видах суеверий, которая базируется на психологической особенности человеческого организма. Эта психологическая основа состоит в том, что когда мы имеем обычные события, то рассматриваем их обычным путем. Однако встречаясь с необычными явлениями, мы ищем необычное внутреннее их восприятие и выражение во внешней форме. Таким образом, вся основная система идей о нашей жизни имеет корни в нашем сознании".

"В этом плане интересно разобрать сущность и психологическую базу магии. Многие исследователи, хотя и крайне осторожно, ищут базу магии скорее в сфере интеллекта, чем в религиозном чувстве. Имеются авторы, которые отрицают, что магия имеет какую-либо реальность, существенную связь с религией, и рассматривают ее как пред-логический зародыш науки".

"На наш взгляд, большинство магических ритуалов основывается на идее влияния.

Р. Маретт в своей книге "Первобытная религия" ставит вопрос об эффективности магии. Он показывает, что первобытный человек не испытывал недостатка в заимствовании идеи священного или религиозной силы. Ему практически все казалось мистическим. Главное в магии — вера в чудо и наличие идеи надежды. Магические ритуалы играют посредническую роль между пациентом (больным) и тем, кто его пытается лечить. Пациент должен допустить существование магической силы, исходящей от окружающей его действительности и объектов в ней".

"Проведем параллель между эволюцией животных и эволюцией религии.

Эволюция животных свидетельствует о центральной тенденции биологического прогресса. Она также показывает нам сохранение низших типов животных вместе с высшими. При этом происходит выбрасывание бесперспективных побочных ветвей на каждом уровне и даже их вырождение.

Религиозная эволюция также указывает на прогресс. При этом сама жизнь постоянно подкрепляет религиозное чувство".

"В заключение я попытаюсь сделать сравнительный анализ определенных черт религии. Продолжая параллель с животной жизнью, отметим, что зоолог может не только описать хорошо известные типы животных, но и провести исторический анализ их развития. При рассмотрении филогенеза он исследует формирование различных важнейших типов животных и их взаимоотношения друг с другом. В эволюционной сравнительной анатомии и физиологии исследователь имеет дело с различными жизненными аспектами и функциями, описывает структуру и работу различных видов организмов, и постепенно тем самым ему открывается основное направление их развития. Все это дает возможность ученому понять эволюцию каждого вида и их взаимодействие друг с другом".

"С эволюцией религии дело обстоит гораздо труднее. Я должен напомнить читателю об антропологической работе, которую должен проделать исследователь. Тем не менее если трудно проследить раннюю эволюцию определенной религии, то возможно отличить разные религиозные уровни и привести их порядок в соответствие с эволюционным процессом".

"На первой ступени развития, на что мы уже указывали, в религии основным элементом веры является мистическая, или сверхъестественная, сила, необязательно персонифицированная, но связанная с определенными объектами и событиями. Мышление на этой ступени является донаучным. Религия представлена здесь как миф.

На следующей стадии основные мифологические идеи приобретают этический характер. Религия связывается с моралью. Происходит усиление всех сторон религиозной веры. Это есть стадия перехода к монотеизму. При этом происходит дальнейшая персонификация сверхъестественных сил, появление большого количества умиловительных обрядов, жертвоприношений.

Этот период перехода особенно хорошо прослеживается при анализе религии классической Греции и раннего иудаизма.

Эмоциональная сторона религии при всем своем стремлении устоять, изменяется в новых условиях. В этот момент возникают трудности с табу, церемониями и ритуалом, которые становятся в прежнем виде бессмысленными. Табу вступают в определенное противоречие с нарождающимися этическими системами, которые также рассматриваются как священные. В конце концов оформляется великая идея спасения и будущей жизни после смерти. Идея бессмертия выражена у всех первобытных людей, включая древних греков и древних иудеев. По мере развития религиозных представлений идеи спасения и бессмертия становятся ключевыми во всех религиозных системах. Вместе с тем обосновывается идея о том, что Бог является всемогущим, всемилостивым. Если он всемогущий, он не может допустить триумф зла и должен наградить людей добром. Если он самый высший и вечный, то он должен даровать людям вечность. Постепенно развивается представление о вечной жизни, где люди будут или награждены, или наказаны. Основное направление содержания религиозных систем нацелено в сторону Бога, в котором выражаются надежды на милосердие.

С помощью идеи спасения снимается в конце концов грех человека и торжествует справедливость. Это было характерно для религиозных представлений в Европе и Ближнем Востоке, что обосновывалось в христианских и исламских схемах спасения. В Индии, с другой стороны, тенденция была иной. Здесь также была распространена идея священного. Но она была несовместима с идеей греха. Специфика восточной религии на этой стадии состоит в том, что вся личная жизнь в этом мире там рассматривается неминуемо ограниченной не только земными делами, но и желаниями. Конец жизни заключается в подавлении желаний, что позволяет душе прекратить перевоплощаться, и личностное бытие возвращается в неличностное, откуда оно происходит. Западная и восточная системы религии похожи в том, что в них проявляется беспокойство относительно перехода от настоящего к будущему, от настоящей жизни к вечной. Однако ищут они этот конец по-разному".

"Процесс развития религиозного мышления идет постоянно. Сейчас этот процесс вступает в новую фазу относительной стабильности, базируемой на натуралистиче-

ском и гуманистическом взгляде, приведенным в действие в соответствии с духом времени".

Часть VII

Психология и религия

"Было бы самонадеянностью провести полный анализ религиозной психологии в данной работе. Я удовлетворюсь анализом некоторых интересных точек зрения и попыткой сделать определенное заключение".

"Вместе с развитием человеческого тела эволюционирует его мозг. При этом умственные силы адаптируются к окружающему нас миру. Разум не является чем-то статическим. Он растет подобно телу. Его трансформация после рождения человека более значительна, чем трансформация тела. Подобно телу, разум может приспосабливаться к среде, но в отличие от тела эта адаптация не происходит автоматически. Она происходит в процессе развития каждого отдельного индивида. Основная проблема состоит в том, как адаптировать внутренние инстинкты и импульсы человека, его сильные желания и стремления. Решение этой проблемы начинается индивидом с младенчества. По мере развития разума происходит постепенное соединение различных и даже противоположных импульсов и инстинктов с отдельными и часто противоположными результатами жизненного опыта в некоторый вид единства.

По мере развития первобытный человек выражает себя в образах скорее, чем в концепциях. С помощью этих образов он обращается к чувствам и эмоциям скорее, чем к разуму. Символическими средствами он овладевает скорее, чем рациональными представлениями. Эта тенденция иногда соединяется с другой, а именно с желанием человека дать свободу своим желаниям. Человек выступает против сдерживающих его жестких этических стандартов. Эти внутренние желания часто проявляются в сновидениях. Во время бодрствования желания имеют дело с жестким фактом концептуального мышления. Во время сна оно утомляется и перестает действовать. Подобные состояния понятны тем, кто изучает гипноз и так называемую медитацию.

Современная теория сновидений далека от полноты, но она может по крайней мере сказать, что способности человеческого мозга, в частности воображение, освобож-

даемые от контроля высшей нервной деятельности, имеют силу воспроизводить идеи настоящего символическим или другим способом, которые вне сна обычно обременяются обилием деталей.

Фрейд, Юнг, Адлер указывали, что в процессе развития многие эмоциональные тенденции в человеке и проявления их в символизации могут быть искажены. В результате происходит символизация совершенно иного вида, который был на самом деле. Это искажение Фрейд требовал проверять".

"Все мистики, европейские и индийские, стремятся идти от заснувшего разума к мистическому опыту любого типа".

"Мне представляется, что символическое воображение имеет большее преимущество над лабораторным методом концептуального мышления".

"Я хочу перейти к исследованию специфического психологического опыта религиозной жизни.

Прежде всего отметим, что в мистическом опыте сосредоточены многие аспекты реальности и его конфликты. По мере роста чувства и эмоциональной интенсивности опыта, сознательный контроль над умственным состоянием уменьшается. Некоторые мистики иногда окончательно утрачивают контроль со стороны разума. Это состояние известно под названием "экстаз". Разум человека находится в глубоко заторможенном состоянии. Далее наступает состояние озарения. В этот момент происходит господство идей божественного и любви над повседневной жизнью, которая вначале враждебна мистическому опыту.

Я считаю, что мистицизм является одной из интереснейших частей религии.

Мистический опыт необычайно красив и ценен для тех, кто испытывает его. Он может быть подкреплением души, истощенной в постоянном конфликте и в работе. Однако имеется опасность для духовного развития человека, а именно искажение умственного развития, ускорение роста души в сторону патологии".

"Одним из моментов в религии может быть названо "желание бежать от себя". "Бегство от себя" на примитивном уровне имеет свое базисное желание, а именно распознать себя от "не-я", выявить свое "я".

"Другой корень религиозных желаний — желание освободиться от тяжести греха. Смысл греха меняется по мере развития цивилизации и соответственно религиозной

системы. Я считаю, что грех связан с конфликтом как внутри самого человека, так и между людьми. В религии эти конфликты приобретают форму конфликта божества и человека".

"Я повсюду использую термин "вера". Я имею в виду веру в определенные утверждения или согласие с определенными авторитетами. Она есть комплекс состояния души, в которой полнота утверждений совмещается с глубочайшими и имеющими силу желаниями. Однако было бы неправильно говорить, что она свойственна исключительно религиозному человеку. С другой стороны, вышшим ее проявлением, в котором включено чувство священного, является все то, что касается основных идей человеческой судьбы".

"Ритуал также заслуживает некоторого рассмотрения. Он не вторичен по отношению к религиозным эмоциям, но скорее является непосредственным их выражением. Когда интеллект и мораль попадают в сферу религии, они тотчас же воплощаются в ритуале. Простейшими формами ритуала являются те действия, которые завершаются благоговейным страхом или чувством почитания. Одним из главных психологических проявлений ритуала является состояние экзальтации у верующего человека. Это явление подмечено У. Джемсом. Надо подчеркнуть, что состояние экзальтации присуще не только религиозным ритуалам. Естественно, определенная форма ритуала будет неизбежно основываться частично на исторических условиях, частично на склонностях и умственном темпераменте того, кто поклоняется.

Я думаю, что удовлетворение религиозного чувства возможно не только в церкви и в религии".

"Сейчас мы вступаем в новую эру, в новую культурную систему. Что можно сказать в связи с этим относительно религии?

Я считаю, что всегда останется религиозное утешение и удовлетворение в ритуальном освящении. Сейчас проблема состоит в том, чтобы преобразовать религии так, чтобы церковное вероучение и ритуалы стали понятны лицам. При этом свобода в поклонении создает условия для развития их собственной религиозной жизни".

"Сделаем ряд выводов.

Во-первых, все виды наших жизненных опытов не являются ни сверхъестественными, ни патологическими, но представляют собой естественные проявления необычных возможностей человеческого разума.

Во-вторых, понять механизм того или иного опыта религиозной жизни не означает снизить его ценность. Имеется много опытов, принадлежащих религиозной жизни, которые имеют ценность для нас самих, несмотря на сверхъестественную интерпретацию.

Моя последняя точка зрения состоит в том, что надо терпеливо изучать психологию религиозного опыта, если мы хотим иметь религию, которая будет "хорошая", а не "вредная". Психология поможет нам в понимании других людей и, таким образом, самих себя".

Часть VIII

Развитая религия

"Я предполагаю, что религия есть жизненный путь, базируемый на определенном эмоциональном и духовном подходе, определенной вере, основанной на ценностях, и определенных отношениях к человеческой судьбе. Все эти три положения взаимосвязаны друг с другом.

В любой организации религиозного мышления имеются три элемента. Во-первых, силы природы. Во-вторых, идеальные цели человеческого разума. В-третьих, действительная жизнь людей постольку, поскольку в ней воплощены идеалы. Это можно проиллюстрировать на доктрине триединства Бога.

Эти три ипостаси, тесно связанные с абстрактными идеалами и чистыми идеями, являются свойствами человеческих организмов, которые, в свою очередь, связаны с другими организмами, планетами, животными, со всем эволюционным процессом. Все три ипостаси являются только различными аспектами одной реальности. Они являются фактами, постигаемыми силами разума. Они являются реальностями, воплощенными в опыте. Если же говорить о Боге, то он есть реальность, затемненная символической завесой. Наступит день, когда человек признает это и выбросит эту завесу. До этого времени лучше использовать другие слова или фразы. В любом случае эта реальность является подходящим объектом для религиозного чувства. Сейчас я буду называть это священной реальностью. Человечество является одной из комбинаций элементов этой реальности. Только человек является абсолютной ценностью, и в нем заложены основные идеи — истины, красоты, добра, надежды, единства. Конечно, он не может достичь абсолютной полноты и абсо-

лютного совершенства. Но он может достичь глубокого и избирательного удовлетворения. Это удовлетворение — один из путей к счастью или восторгу. При таком удовлетворении можно сказать, что человек соприкасается с абсолютным.

Я верю в абсолютную истину, хотя никто не может охватить не только всю истину, но иногда даже одну. Мы должны помочь решению данной проблемы и нахождению истины. Мы можем соприкоснуться с абсолютным добром и реализовать все доброе в единое целое. Я верю в существование абсолютной гармонии единства. Забываю, что всякая гармония при этом относительна. Мы можем также соприкоснуться с абсолютной трансцендентностью в нас самих. Но жить только ради этого не стоит, так как это — величайший эгоизм".

"Новая развитая религия должна удовлетворять следующим требованиям. Она не ограничивается только человеческой реакцией на мистическое или священное; она не удовлетворяется системой мифологии или теологии, их традиционными ритуалами. Наоборот, она всегда будет распространять свои концепции священного, связывая их с человеческой судьбой и ее отношением с миром. Она будет обращаться с чистой силой интеллекта. Развитая религия осознает, что мораль составляет основные принципы судьбы человека. Она не желает, чтобы религиозная жизнь была хаотична и неупорядоченна, не связанная с реальностью. Развитая религия будет иметь организованную и унифицированную схему мышления, связанную с другими частями умственной жизни. Она выдвигает ценности, вокруг которых смогут расти человеческие желания. Поэтому развитая религия может быть определена в отношении к личности как целое к частному, где произойдет окончательное удовлетворение в истине, добре и красоте.

Любая религия, которая не содержит ценности истины, познания и красоты, доброго морального действия, является ложной".

"Никогда нельзя забывать тот факт, что религия должна быть рассмотрена всесторонне. Религиозные идеи должны быть применимы к человеческой жизни и только соответственно с ней. Вера недостаточна, как и недостаточно искреннее религиозное чувство. Вера недостаточна и вредна, если она соединяется с ложными и несовершенными идеями и взглядами или с жесткими кодексами морали, основанными на авторитете, вместо разумных цен-

ностей, соединенных с терпимостью. Религия должна быть сильной и универсальной, охватывать все человеческие способности и действия. Поэтому она может стать могущественной силой как для зла, так и для добра. Таковы две стороны религии, содержащиеся потенциально в ее природе”.

Часть IX

Эволюционный гуманизм как развитая религия

“Человек всегда интересуется своей судьбой, ролью во Вселенной. Все человеческое общество направлено на то, чтобы человек мог сориентироваться в этой жизни, конструируя веру и поведение по отношению к судьбе других людей. Будем с позиции эволюционного натурализма рассматривать религиозную ситуацию XX века. Ясно, что человек XX века нуждается в новом органе, имеющем дело с судьбой, новой системой религиозной веры и отношений, адаптируемых в новой ситуации, в которой его общество сейчас существует.

Новая черта современной ситуации состоит в следующем. Ранние религии и системы веры изменялись по мере преодоления человеком своего невежества и страха. В этот момент они касались изменений только внутри себя. Но сегодня система веры должна адаптироваться в соответствии с познанием и творческими возможностями человека. Другими словами, первоначально религиозные системы были необходимы, так как стояли лицом к лицу с социальным и духовным невежеством и с успехом его компенсировали. Но в современный период любая система должна использовать все могущество познания для руководства и поддержки продолжающегося человеческого развития.

Настоящая эпоха также отличается от ранних эпох возрастающей важностью науки и ее распространением в мире. В связи с этим не может быть конфликта между наукой и религией. Между научным познанием и определенными религиозными системами такой конфликт может быть. Между наукой как возрастающим познанием природы и религией, как социальным организмом, соприкасающимся с судьбой, — нет. Наоборот, религии могут быть сейчас искренними союзниками науки. Наука в ши-

роком смысле слова является необходимым инструментом нашего увеличивающегося познания. Так, эволюционная биология выявляет природу человеческой судьбы. Наука дает полное объяснение судьбы и помогает избрывать лучшие методы для ее реализации.

В то же время религия является продуктом творческой деятельности разума, который обеспечивает личный или коллективный опыт. Тем самым религия вербует науку для решения ее задач. В любом случае познание движется к созданию нового понимания человеческой судьбы и нового отношения к ней.

Основой для совмещения науки и религии является эволюционный натурализм. Биология в этом процессе стоит на первом плане. Во-первых, эволюционная биология дает нам новый взгляд, который способствует постижению человеческой судьбы на разных этапах ее развития. Эта судьба является важнейшим фактором эволюционного процесса на этой планете, инструментом для реализации новых возможностей в ее будущем. Картина Вселенной, обеспечиваемая современной наукой, является единственным процессом самотрансформации, в течение которой новые возможности могут быть реализованы. Творятся новые реальности, в которых сочетается прогресс и самотворение.

Ясно, что человек является началом эволюционного господства. Судьба человека состоит в освоении целого земного сектора космического процесса. Человек, вероятно, эволюционирует более успешно, если использует все, что дано ему как позднему доминирующему типу, имеющему разум, воображение, концептуальное мышление, уникальные способности накопления опыта культуры. Человек имеет возможность конструировать религию в широком смысле слова — системы отношений, в которых познание комбинируется с воображением, глубокими духовными эмоциями, для того чтобы формировать устойчивую систему мнений, чувств и веры, влияющие на поведение и помогающие детерминировать моральное и практическое действие человека. С этой точки зрения религия означает новый взгляд на нашу позицию в космосе. Цель новой религии — полнейшее завершение человеческой судьбы”.

”Сделаем некоторые выводы.

Эволюционная биология концентрирует свое внимание на развитии человеком его индивидуальности. Она устанавливает, что он является высшим продуктом космиче-

ского процесса. Мы можем сформулировать окончательную цель человеческого существования, которая состоит в полнейшей реализации всех его возможностей. В то же время человеческие индивиды не могут реализовать свои возможности, не будучи членами социальных групп. Они связаны только с обществом. Люди воспроизводят себя только через культуру этого общества. Поэтому превосходство индивида не является абсолютным: оно ограничено социальной организацией. Человек является существенной частью радикально нового типа эволюционирующей организации. Он является психосоциальным организмом. Конечно, существует конфликт между интересами человека и обществом. Наша задача состоит в дальнейшем развитии нового общества и культуры, которые способны к новой эволюции, открывающей пути к полной реализации потенций человека".

"Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения эволюционного гуманизма каждый индивид имеет свою конечную ценность.

Основной постулат эволюционного гуманизма состоит в том, что умственные и духовные силы являются главными в решении вопросов судьбы. Они не имеют дела со сверхъестественным и не стоят вне человека, но находятся внутри него. При этом, рассматривая через эволюционный фактор человеческий организм, отметим, что он — психосоциальный механизм. Какова природа этих умственных и духовных сил, где внутри психосоциального механизма они находятся? Тут на первый план выступает двойственность в решении данного вопроса. С одной стороны, мы имеем такие силы, как ненависть, зависть, отчаяние, агрессивность, страх, с другой — красота, любовь, понимание, добро. Эти силы действуют не только внутри человеческого разума, но и в социальном окружении. Общество может быть так организовано, что оно порождает больше ненависти, зависти, отчаяния, аномальное умственное развитие. Однако общество может оказать помощь и обеспечить конструктивный энтузиазм, создать красоту и способствовать полноте человеческого развития. Мы часто игнорируем эту вторую сторону. Факт состоит в том, что социальная организация концентрирует психологические силы человеческой природы различными путями, и тогда само общество может играть созидательную роль или уничтожающую.

В любом случае человеческая способность обобщения и абстрактного мышления неизбежно порождает то, что

мы называем идеалами. Эти идеалы неизбежно затрагивают поведение и развитие человеческой психики.

Согласно эволюционному гуманизму одной из главных целей человека является более полное и глубокое творение красоты. Недостаток красоты является огромным упущением, а творение безобразия и подлости является просто аморальным".

Что же мы можем сказать в заключение об эволюционном гуманизме?

Во-первых, человек в процессе своего развития должен постоянно стремиться к полному завершению своей личности.

Во-вторых, познание и опыт являются необходимыми инструментами или органами действия для человеческого прогресса. Эти научные исследования во всех областях являются поддержкой цивилизованного общества.

В-третьих, образование способствует расширению познания. Естественные науки составляют основы для всеобщей глобальной системы познания. Наука как система открытий остается для человека всегда необходимой.

Искусство, наука и религия являются тремя основными сферами человеческой творческой активности. Все они необходимы для реализации возможностей человечества. Мы всегда должны помнить, что главное в искусстве, науке и религии составляет творческое мировое начало. Думать о мире без музыки или поэзии, без балета или игры, без романов или фильмов, без картин или скульптур невозможно. Такой мир будет невыносимым и нежизнеспособным".

"Я ставлю перед собой задачу выяснения социальных отношений искусства и общества. Здесь возможны две крайние позиции. Искусство может быть рассмотрено как самовыражение, и артист не может допустить безответственность по отношению к обществу, в котором он живет, а только по отношению к себе и тем идеям, которые он поддерживает. Вторая позиция состоит в том, что искусство может быть рассмотрено только как инструмент государства. От артиста требуется подчинение его собственных идей исключительно задаче выражения целей и интересов официальной политики.

В свете эволюционного гуманизма искусство не является инструментом государства. Оно — орган эволюционирующих человеческих индивидов, и хотя проявление искусства у каждого человека индивидуально и самостоятельно, однако каждый артист ответствен за общество, членом которого он является, и соответственно за других людей. Искусство является своеобразным инструментом постижения мира. В нем сочетается возвышенное чувство удивления с мировым человеческим опытом.

Наука и искусство являются способами постижения мира и общества. Они используют различные методы и делают выводы различными путями, но оба дополняют друг друга и необходимы для человечества".

"В каждой сфере, включая науку и искусство, эволюционный гуманизм призван примирять и регулировать конфликтующие позиции. В современном процессе развития человечества постоянно происходят конфликты. Они то усиливаются, то уменьшаются. Однако без них невозможно единство мира. Их единство возможно через реализацию человеком всех своих возможностей, при сочетании достижения идеала с ценностями, которым он поклоняется. Эволюционный гуманизм связывает все достижения в единое целое, выполняя тем самым задачу достижения лучшей судьбы человечества.

Все это заставляет меня возвратиться к идее создания новой религии как органа человеческой судьбы. Ясно, что подобная религия должна адаптироваться к новой ситуации и отношениям XX века. Эта новая религия поможет человеку лучше ориентироваться в новой ситуации. В современном мире мышление вряд ли будет существовать как универсальная система идей, если не будет базироваться на самой реальности. При этом роль науки как инструмента познания будет постоянно возрастать. Наука должна понять, что религия является необходимым органом в решении проблем судьбы.

Наша цель — в построении более полной картины реальности в целом и человеческой судьбы в частности, в освобождении человека от всего ложного и создании уни-

версальной и подлинной религии — эволюционного гуманизма”.

“В заключение я хотел бы сказать, что концепция эволюционного гуманизма имеет ценность сама по себе. Она дает возможность решить многие дилеммы и конфликты, с которыми исследователь сталкивается. Нельзя забывать, что человек живет в этой странной Вселенной, которая рождает в нас и благоговейный страх, и возвышенную любовь, и интеллектуальное любопытство. Эволюционный гуманизм обеспечивает общую направленность процесса развития, связанную с развитием личности в сфере этики. Он создает твердую основу для сохранения положительных отношений между людьми. Эволюционный гуманизм проникнут верой, которая противоположна духу отрицания и уничтожения. Он подчеркивает позитивное значение творческой активности и наслаждения. Эволюционный гуманизм — новая религия, необходимая для всего цивилизованного человечества”.

СОДЕРЖАНИЕ

Открывая новые имена	3
Современники о Джулиане Хаксли	6
Джулиан Хаксли. "Религия без откровения". Введение	15
Часть I. Предварительные замечания	16
Часть II. Предварительная интерпретация	19
Часть III. Природа и Бог: натуралистический подход	22
Часть IV. Личные замечания	28
Часть V. Некоторые основания	40
Часть VI. Сравнительная религия	46
Часть VII. Психология и религия	51
Часть VIII. Развитая религия	54
Часть IX. Эволюционный гуманизм как развитая религия	56

Научно-популярное издание

Хаксли Джулиан

РЕЛИГИЯ БЕЗ ОТКРОВЕНИЯ

Редактор В. В. Б о й к о

Мл. редактор И. В. Я к о в л е в а

Худож. редактор Е. О. В а с и л ь е в а

Техн. редактор И. Е. Б е л к и н а

Корректор Н. Д. М е л е ш к и н а

ИБ № 12089

Сдано в набор 1.11.90. Подписано к печати 27.01.92. Формат бумаги 84х108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,57. Уч.-изд. л. 3,60. Тираж 31477 экз. Заказ 1501. Издательство "Знание". 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 921102. Типография Всесоюзного общества "Знание". Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Это слово — к Вам, к давним, с десятилетним и больше стажем, и к вновь обретенным нашим читателям-подписчикам.

Дорогие друзья! Видимо, нет нужды объяснять Вам, сколь трудные времена выпали на общую нашу с Вами долю: каждый из нас не в последнюю очередь чувствительно ощущает их тяжесть по собственному карману. О критическом положении в издательском деле Вам также хорошо известно по многочисленным материалам в средствах массовой информации. Скажут цены на бумагу, на типографские услуги и доставку литературы к Вам на дом. Бич этот обрушился и на наши подписные серии: почти все они оказались убыточными. И прежде всего — малотиражные, рассчитанные на помощь специалистам, лекторам, преподавателям, студентам и школьникам. Как ни печально, но часть из них с января с. г. мы вынуждены были закрыть. В других сериях в том числе "Культура и религия" в 1992 г. будет издано вместо 12 номеров только 4 номера.

Мера эта, как Вы понимаете, весьма малопрятная, но единственно возможная для выживания оставшихся и получивших Ваше признание подписных циклов.

Дорогие друзья! Прекрасно понимая Ваше огорчение, мы просим Вас понять также и нас и на нелегком этом перепутье поддержать своим подписным рублем на 1993 г. серию "Культура и религия". А возможно, и другие наши подписные циклы — их индексы в отделениях связи Вы найдете в традиционных каталогах, в разделе "Подписные серии издательства "Знание". Конечно, в какой-то мере мы и впредь вынужденно будем корректировать цены на нашу литературу. Но в любых условиях намерены твердо придерживаться сытинского принципа: всем обо всем, и обязательно доступно — не только по изложению, но и по цене. И здесь надеемся мы на Ваше взаимопонимание и поддержку, ибо только так в столь смутное время смогут и впредь выходить в свет наши подписные научно-популярные циклы. А мы постараемся, чтобы они были занимательными по форме, насыщенными по содержанию и высокопрофессиональными по языку и стилю.

Новая подписная
серия издательства
«Знание»

Издательство
«Знание»

НАШ ДОМ НАШ БЫТ

с 1992 г.

«МОЙ ДОМ — МОЯ КРЕПОСТЬ»
Если Вы хотите воплотить эту мудрость
в своей повседневной жизни,
выписывайте популярную серию
«НАШ ДОМ НАШ БЫТ»
Серия поможет Вам создать
здоровую семейную атмосферу,
научит рачительно хозяйствовать,
содержать дом в благополучии и уюте

Наш адрес:
101835,
Москва, Центр,
проезд Серова, 4

Индекс серии в каталоге
«Всесоюзные газеты
и журналы»,
раздел: «Подписные серии
издательства "Знание"»

70105